

Семья и семейные отношения

Традиционная культура русского крестьянства заложила господствующие образцы нравственных ценностей русского народа. В её основе лежал многовековой опыт и народное православие. В системе традиционных ценностей семья занимала одно из центральных мест, её роль признавалась главенствующей в материальном и нравственном благополучии человека. Это представление о семье отразилось в многочисленных русских народных пословицах и поговорках: «В семье и каша гуще», «Семейный горшок всегда кипит», «Семья воюет, а одинокий горюет», «Две головешки лучше курятся». Считалось, что каждому человеку предначертано вступить в брак и продолжить свой род-племя. Статус законного брак приобретал вследствие церковного венчания и осуществления традиционного свадебного ритуала, протяженного во времени, с обязательным участием родных жениха и невесты, а также всего местного сообщества — девушек, молодых женатых пар, соседок и соседей. Регламентация внутрисемейных взаимоотношений со стороны государства и закона исторически сводилась лишь к нескольким нормам: до революции к правилу, обязывающему жену повиноваться мужу, детей — родителям. Эти нормы, хотя и основанные на традиционных представлениях, не исчерпывали всего многообразия отношений, возникающих в области семейного быта, для их регулирования существовали неписанные правила, передающиеся от поколения к поколению. В их основе лежали образцы семейной жизни русской патриархальной семьи.

Брак

В соответствии с общерусской традицией население Южного Урала сохраняло аналогичное отношение к браку — как необходимому этапу жизненного пути. Выходили замуж, женились довольно рано. Так, в 1862 г. в станице Долгодеревенской не замужем были только четыре девицы 20-ти и старше лет; неженатыми в 20 лет и старше — пятеро парней. Как отмечал М. Д. Голубых, у казаков было принято женить сыновей до поступления на службу, не женили сыновей до военной службы только в очень бедных семьях и к тому же имевших избыток рабочих рук в хозяйстве¹. Первой заботой возвратившихся со службы холостых казаков было «приискание невест». Деревенские девушки пренебрегали такими «старыми» женихами, ставя их в один ряд с вдовцами, и если шли за них замуж, то с большой неохотой. Зато парни, оставшиеся дома по семейному положению или «за излишком» (призыву подлежало чуть более 1/3 призывного возраста), старались жениться в первый же мясоед². В среде горнозаводских рабочих ранние браки стимулировались заводской администрацией. С 18 лет мужчина считался «полным работником», с этого возраста он имел право получать провиант из казны на себя и свою жену; на дочь родители прекращали получать провиант с 15 лет, считалось, что с этого времени провиант на нее должен выделяться мужу³. Традиция раннего вступления в брак существовала на Южном Урале довольно долго, она сохранялась и после того как законодательно брачный возраст для женщин был повышен до 18 лет (1926 г.). Так, жительница села Тюлюк (1920 г.р.) вспоминает о себе: «Я первый раз в 35 году замуж, наверное, вышла. Я молоденькая выскочила... Он только из армии пришел, познакомились, я замуж-то и пошла. Ну-ка, солдат хороший... Мы не венчались, мы не зарегистрированы были — я же несовершеннолетняя [была], меня нельзя было регистрировать. А тут прожили. Ладно... Кабы не война. То бы жили»⁴. Жительница села Меседа (1938 г.р.) сообщила, что ее мама вышла замуж в 15 лет. По ее же наблюдению: «Раньше в деревнях-то не учились. Они все, сколько было их, 4 класса закончили и замуж выходят»⁵. О большом числе браков среди лиц моложе 18 лет сообщали газеты советского времени: «Во всех населенных пунктах района и „даже“ в районном центре участились браки несовершеннолетних. Даже председатель Месединского сельсовета тов. Филимонов выдал замуж свою дочь, которой едва исполнилось 15 лет». «Хуже того, — сообщается в другой заметке, — что на таких несовершеннолетних женятся ребята 17–18 лет. 18-летний юноша Брюханников женился на 15-летней Бабушкиной. Затем еще двое, можно сказать, маль-

чуганы „усватали” таких малолетних девушек. Подобных фактов много...»⁶

До революции представители различных сословных групп не рождались между собой. Казаки Тимофеевского поселка, писал М. Д. Голубых, считали себя образованными, развитыми, а разночинцев, «мужиков (крестьян) — вялыми, неповоротливыми. Поэтому, когда изредка какой-нибудь казак женился на разночинке, то все соседи приговаривали: «„Неужели ему не удалось найти казачки?” Иногда даже казаки презрительно называли крестьян крупной, а те их, в свою очередь, — кошмой. После революции казаки стали выдавать замуж за разночинцев своих дочерей, но парней продолжали женить исключительно на казачках»⁷. О предпочтении среди казаков браков с представителями своего сословия свидетельствуют материалы Оренбуржья. По информации из Сакмарского района родители не приветствовали браки дочерей с наемными работниками: «Чтоб за наемных замуж выходить — боже упаси, нет. Там ты и не дружила, и нет ничего. Родители познакомят. На ком женят или отдадут»⁸. Обычно принято было выбирать невест в своем или соседнем селении. Д. К. Зеленин отмечал, что у казаков поселка Благословенного были часты родственные связи с казаками соседских поселков Нежинки и Островки⁹. Казаки Тимофеевского поселка старались вступать в брак с теми, чьи предки переселились в Оренбургское казачье войско так же из Курской губернии; Шумаковский и Томинский поселки долгое время были почти единственными поставщиками женихов и невест для тимофеевских жителей¹⁰. Е. Трофимов писал об активном обмене невестами и женихами между заводскими поселками Рудным и Катавкой, Меседой, Первухой, Тюлюком, Петропавловкой¹¹.

Разница в возрасте мужа и жены заметно различалась в зависимости от сословия. У казаков, по данным посемейных списков, пары, где муж старше жены, составляли немногим более половины (52% случаев), в остальных случаях их возраст или совпадал (16%) или жена была старше мужа (32%)¹². В соответствии с посемейными списками Челябинских мещан: муж был старше жены — 75% всех браков; возраст мужа и жены совпадал — 17% браков; и лишь в 8% браков жена была старше мужа¹³. У купцов: муж был старше жены — 94% браков¹⁴. Пары, где муж был старше жены на 1–5 лет, встречались чаще всего: у казаков — 37% всех браков; у мещан — 58% всех браков; у купцов — 36% всех браков. Разница в возрасте 6–9 лет составляла: 6% всех браков у казаков; 8% браков у мещан; 29% всех браков у купцов. Браков с разницей в возрасте между мужем и женой в 10 лет и старше было больше, такие браки со-

ставляли: 9% всех браков у казаков; 10% всех браков у мещан; 29% всех браков у купцов. Среди казаков и мещан большинство браков с большой разницей в возрасте между мужем и женой были повторными для мужа. Если в браке жена была старше мужа, то разница составляла не более 5 лет для всех сословий. У казаков доля таких браков была самой значительной — 28% всех браков. Пары, где жена была старше мужа на 6 и более лет, были очень редки для всех сословий.

До революции в повторные браки вступали, как правило, после смерти супруга (или супруги). По российскому законодательству люди старше 80 лет не имели права вступать в брак¹⁵. Жениться (выходить замуж) в преклонном возрасте было не принято в народной среде, в большей степени это правило распространялось на женщин. Так, среди казаков станицы Долгодеревенской, вдовцов было 13 человек, большинство из них (77%) — старше 60 лет. Все они жили одним домом с сыновьями и возглавляли семейство (за исключением двух, одиноко живущих). Вдов было почти в 2,5 раза больше, чем вдовцов. Среди вдов доля лиц преклонного возраста (старше 60 лет) была меньше чем у мужчин (37%), очень много вдов было в возрасте от 40 до 60 лет, вдов моложе 40 лет было 15%. Очевидно, повторные браки у женщин старше 40–45 лет не были широко распространены. Овдовевшие женщины продолжали жить в семье свекра. Одинокие вдовы объединялись с родственниками для совместного ведения хозяйства. Так, в посемейных списках казаков можно встретить семьи, состоящие из племянника и тетки-вдовы, свояка и свояченицы-вдовы и т.д. Подобные семьи и сегодня встречаются в сельской местности Южного Урала. Так, один из информантов (1929 г.р.) из села Тюлюк объяснил, что после смерти жены взял в дом троюродную сестру для помощи по хозяйству: «Хозяйство вести, не мощной трясти. Мне 80 лет, а я хозяйство держу»¹⁶. На том же основании сельские жительницы объясняли повторные браки в пожилом возрасте стремлением приобрести помощника в ведении хозяйства: «Мужики возьмут старух, да и хотят на них прокатиться. А они много могут? <...> К старикам идут, чтобы помощь по хозяйству получить, а их запрягают»¹⁷. После снятия ограничения на совершение развода между супругами, в повторные браки стали вступать разведенные. В 1930-е гг. браки с разведенными составляли приблизительно половину повторных браков¹⁸. Так, отец информанта, овдовев, сменил трех жен: «У меня мать умерла, [мне] не было пяти лет, росла с четырьмя матерями, трех матерей папашка еще брал. <...> Одну взял — засеря, не убирает в избе, другую взял, его надо, нас [детей] не

надо. Ну, что, а третью взял, слава Богу, долго с ей — 26 лет они прожили с папашкой-то»¹⁹.

Развод

Развод между супругами в соответствии с российским законодательством был очень сложен, а обстоятельства, которые могли послужить его причиной, ограничены. Однако в народной среде осуществлялся гражданский развод, он негласно санкционировался общиной. Так, в 1887 г. казачка поселка Баландинского Олимпиада Иванова Смолина обратилась в суд с жалобой на свекра. Из разбирательства становится ясно, что казачка не живет с мужем, потому что тот прогнал ее из дома и не желает ее возвращения²⁰. Веской причиной для развода считалось отсутствие детей после нескольких лет совместной жизни. При таких разводах жениться повторно было нельзя, но бывшие супруги имели право жить отдельно. Муж оставался дома, а жена уходила со двора. После развода муж не был обязан содержать жену²¹.

В народной среде незаконное сожитие считалось поруганием христианской веры, поскольку существовало представление о святости венца. Не венчаный брак был довольно редким явлением, хотя число таких браков со временем росло в определенной среде. В 1881 г. Р. Г. Игнатъев писал: «Нигде нет таких нарушений супружеской верности, как среди горнозаводского населения вообще, казенных и бывших владельческих. В Оренбургской, Уфимской и Пермской губернии жены бросают мужей, мужья — жен, открыто живут с посторонними гулеванами и гулеванками»²². Приведем еще одно наблюдение: «В слободе Куртамыш, жители которой по своему образу жизни приближались к мещанам, сравнительно часто встречаются нарушения супружеской верности и оставления одним из супругов другой половины, а также факты открытого незаконного сожительства»²³. В целом, к незаконному сожительству относились с подозрением. На женщину-полюбовницу падала основная доля ответственности за оскорбление святости брака. Так, 9 марта 1886 г. в Еткульский станичный суд обратилась казачка поселка Сухоруковского Анна Михайловна с жалобой на солдатку Анну Андрееву Оборину в нанесении побоев и «расстройстве супружеской жизни». По приговору суда обвиняемую подвергли аресту при станичном правлении на шесть дней «с употреблением на общественные работы»²⁴. Осуждению подлежало даже намерение внести раздор в отношения мужа и жены. Так, 16 января 1866 г. в Еткульский станичный суд обратилась крестьянка Екатерина Шаховская из поселка Еманжелинского Еткульской станицы с жалобой на казачку того же

поселка Анисью Гавриловну Печеркину. Последняя обвинялась в желании «сделать супружеские разлучи». Сведения о намерении Печеркиной подтвердила девица Анна Андреевна Сазонова. Суд постановил подвергнуть разлучницу аресту при станичном правлении сроком на семь дней и взыскать с нее штраф в размере трех рублей в пользу А. А. Сазоновой (за двойной вызов в суд)²⁵. В соответствии с народными представлениями, в подобных случаях могли использоваться и магические средства. Так известно, что в деревне Корчажной Челябинского уезда в случае, если молодой не любит свою жену, приглашали знахарку. Она посыпала порог дома «наговоренной» золой и потом проводила через него молодого так, чтобы он ничего не знал. После этого молодого вели в баню и парили от 3 до 12 раз²⁶.

Численность семьи

Одной из важнейших характеристик семьи считается ее численность. Во второй половине XIX в. семьи отличались многочисленностью. Так, по данным за 1862 г. средняя численность казачьей семьи в станице Долгодеревенской и близлежащих селах составляла 7,2 человека. На семьи из 7–21 человек приходилось больше половины всех семей (55%); на семьи по 4–6 человек было приблизительно 28%; семьи из 2–3 человек составляли чуть более 10%; семьи одиночек — 7,5%²⁷. В 1877 г. на один двор в Оренбургском казачьем войске приходилось в среднем 6,1 жителей, в 1887 г. — 5,8 жителей²⁸. По данным Первой Всероссийской переписи населения (1897 г.) населенность двора в Оренбургской губернии была 5,2 души обою пола²⁹. В первой половине — середине XX в. средний размер семьи на Урале колебался в пределах 4-х человек; в 1926 г. — 4,1 человека³⁰; в 1939 г. — 4,3 человека³¹; после Великой Отечественной войны (1949 г.) в сельской местности Челябинской области — 2,8–3,6 человек; в 1954 г. — 3,4–3,7 человек³². По воспоминанию жительницы села Муратовка (Ашинский р-он) в 1950-е гг. было «в семьях по 12–15 человек, меньше 7–8 не было»³³. Согласно этнографической информации, полученной в начале 1950-х гг. семьи состояли «обычно из 4–5 человек, и иногда из 9–10 человек, хотя раньше в одной семье было 12–16 человек, а иногда 20–22»³⁴.

Структура семьи

Семья с одним и тем же количественным показателем могла иметь разную структуру. Например, семья из 5 человек могла быть простой, из двух поколений (родители с детьми) или трех поколений (родители, их сын с женой и ребенком; вдовый роди-

тель, сын с женой и двумя детьми). Она также могла быть неразделенной отцовской (один родитель, двое сыновей с женами) или братской семьей (двое женатых братьев, один из них с ребенком). О составе большой семьи дает представление песня Оренбургских казаков:

Выдал меня батюшка не в малую семью,
в несогласную,
Еще свекор со свекровушкой, четыре деверька,
Четыре деверька, две золовочки,
да две тетушки.
Как свекор говорит: «К нам медведицу ведут»,
Свекровушка говорит: «К нам козулю ведут»,
Золовушка говорит: «К нам — лютую змею»,
А тетушки говорят: «К нам неряху ведут».
Муж на лавке сидит, на жену косо глядит³⁵.

На начальных этапах заселения края основное количество семей приходилась на простые одно- и двухпоколенные семьи³⁶. В дальнейшем развитие семьи происходило путем усложнения структуры и увеличения численности. В 1862 г. среди семей Оренбургских казаков простые семьи составляли 53%, большие семьи — 47%. Преобладали семьи из 3-х поколений (более 50% всех семей), около 3% приходилось на 4-хпоколенные семьи, более 33% на 2-хпоколенные (среди них было много больших, братских семей), около 14% семей составляли однопоколенные семьи³⁷.

Большое число неразделенных семей, а также 3-х и 4-хпоколенных простых семей объясняется условиями жизни и хозяйствования населения. Так, в собранных во второй половине XIX в. С. Пономаревым воспоминаниях «стариков» указывается, что «отдельно житье» было «неспособно», «вот все родственники и ютились под одной крышей». Многие семьи поселялись на заимках, где, по свидетельству тех же стариков, «надо было больше народа, чтобы приглядеть за скотом, за курами, чтобы оборониться от волков, отгрестись от снега в снежную зиму, караулить лошадей в отгонном табунае, поспеть в пашню и страду, которая быстро начинается и оканчивается. Всякий захожий человек принимался с радостью. Работник становился членом семьи, приемыш делался сыном, взрослый человек рождался или братался с первоначальными заимщиками. Жили под одной кровлей, работали и харчились вместе. Всякое новое заведение шло в общее пользование, как и все заработки³⁸.

Согласно посемейным спискам казаков за 1862 г., среди больших семей братских было почти столько же, сколько отцовских³⁹. Это означает, что семьи не распадалась после смерти большака-отца,

сыновья часто продолжали жить в одном доме и вести хозяйство сообща. После смерти большака на его место, как правило, заступал старший сын. Обязанности большака могли перейти и на вдову, «если она смыслила в полевом хозяйстве»⁴⁰. Приведем воспоминание информанта, казачки (1925 г.р.) о семье своего деда: «Дедушкина мама <...> в 35 лет осталась вдовой. [У нее] было 4 сына и дочь была, и [она] сверховодила все земли, очень много было земли. Она команду давала... И давала распорядок...»⁴¹ Об этом же свидетельствуют информанты применительно к более позднему времени, 1950-м гг.: «Когда я замуж вышла, мы со свекровкой жили, она одна осталась. Главой семьи считалась свекровь <...> подсказывала. Потом уж муж стал. Главу семьи хозяином называют»⁴².

У городских жителей во второй половине XIX в. преобладающей формой семьи была малая, 2–3-хпоколенная семья. Так, лишь 5% семей челябинских мещан приходилось на большие семьи. В соответствии с проведенными нами подсчетами, более 60% всех, как мещанских, так и купеческих семей в Челябинске были 2-хпоколенными; около 30% семей мещан и 14% семей купцов составляли 3-хпоколенные семьи; 8% семей мещан и более 25% семей купцов состояли из одного поколения (чаще всего это пожилые пары или одиночки)⁴³.

Выдел семьи из состава большой неразделенной семьи — один из неизбежных этапов ее развития. У казаков существовала практика получения разрешения у общества на семейный раздел. Так, в 1876 г. поселковый сход поселка Селезянского Еткульской станицы, «выслушав словесное заявление казака Белкова, что он сына своего Григория желает отделить в свое домохозяйство, так как у Белкова остается еще два сына — Иван и Михаил — оба казаки», постановил: «Считать по посемейному списку Григория от отца отдельным хозяйством»⁴⁴. Сельский сход учитывал экономические интересы общины. Известен случай (1886 г.), когда жители поселка Каратабанского на своем сходе постановили отменить раздел семьи казака этого поселка Тимофея Кузнецова, который отделил своего сына Василия, чтобы избежать всех расходов по отправлению его на действительную службу, поскольку подготовить к службе казака в таком случае была обязана община⁴⁵.

Многие исследователи семейного быта отрицательно оценивали разделы больших семей, поскольку, по их мнению, дробились земельные наделы, имущество семьи, ослаблялся ее трудовой потенциал. Наблюдавший семейные разделы С. Пономарев замечал, что семейная ячейка начинала быстро распадаться, если большак был слишком расточителен. То же самое происходило,

и когда большак был снохачем, так как «обласканная сноха гонит всех сношелейниц, чтобы завладеть семейным добром»⁴⁶. Расхожей причиной семейных разделов считали «бабы ссоры». У казаков существовала даже примета: если две женщины вытрутся одним полотенцем, то обязательно поссорятся⁴⁷. При отсутствии земельного голода на Южном Урале возможной причиной разделов было изменение условий хозяйствования и накопление в семьях ресурсов, достаточных для осуществления разделов. Это позволяло семьям компенсировать сокращение рабочих рук (нанимать работников, покупать механизмы для обработки земли и т.п.).

Вступление в брак не приводило к автоматическому выделению новой семьи и возникновению нового домохозяйства. По крайней мере в течение первой половины — середины XX в. было принято, чтобы молодые после свадьбы жили в доме свекра и свекрови и вели хозяйство сообща. По данным М. Д. Голубых, у казаков женатые сыновья жили с отцом несколько лет. Они не уходили из хозяйства отца до возвращения с военной службы, бывали случаи, когда в одной семье было пять женатых братьев. В 1920-е гг. стремление выделить сыновей в отдельное хозяйство у казаков стало правилом: «Обычно каждый старался сделать так, чтобы при своей жизни приготовить для всех детей новые дома, и считался счастливец такой старик, которому удалось при жизни отделить всех детей»⁴⁸. Вместе с тем встречались случаи длительного существования больших семей. М. Д. Голубых описал две семьи в Тимофеевском поселке, где отцы жили с тремя женатыми сыновьями, в одной из них были правнуки.

По наблюдению этнографов, в 1950-е гг. женившихся сыновей отделяли от родительской семьи через год-два после свадьбы, когда им выстраивали отдельный дом. Так, житель села Александровка вспоминает: «Мы в 46-м женились, после войны. У родителей жили, потом ушли. Дом был на пять окошек, две комнаты большие были, мы в одне, оне в другой»⁴⁹. Часть информантов в качестве причины совместного проживания отмечают отсутствие своего дома: «Жили мы у свекрови, пять лет жили с родителями... У нас уже два сына было, мы отделились. Потом мы купили избушечку»⁵⁰; «Я выходила замуж <...> занавес повесили, мы за занавесом спали, никто нас не видал... Сколько мы [жили вместе], ну, Санька уже родился, Саньке уж, год, наверное, был, потом мы на квартиру [ушли жить]»⁵¹.

Также долго сохранялся обычай, когда престарелые родители оставались «доживать» с младшим сыном. Так, по рассказам информанта (1925 г.р.), ее дед, младший сын в семье, после отделения старших братьев остался в доме матери: «Вот, четыре

снохи было... Очень дружно жили. Потом начали отделяться. Сначала старший сын отделился: „Мамаша,— говорит,— у меня своя семья, мне нужен свой дом. Я сам хочу быть хозяином”. Построили себе дом, отделился. (Затем второй, третий) <...> Последний хотел после третьего отделиться, а мамаша ему говорит: „Нет, сынок, ты последний, ты будешь меня докармливать”⁵². Приведем другой случай. По словам жительницы Н-Уфалея, ее отцу, младшему в семье, не достался родительский дом, так как он женился на бедной девушке вопреки воле своих родителей, «а последнему [сыну],— по словам рассказчицы,— как правило, достается дом. <...> И ему купили дом [другой]. Отдельно мы жили, а средний [сын] в доме-то остался»⁵³. По архивным данным, иногда предусмотрительные и расчетливые старики, оставаясь жить у младшего сына, оставляли ему большую часть имущества с таким расчетом, чтобы потратить сыну, приобрести еще больше почета и уважения⁵⁴.

Принято считать, что у горнозаводского населения Урала малая семья развивалась со второй половины XIX в.⁵⁵ Однако по этнографическим данным, большие семьи были довольно широко распространены в горнозаводской части Южного Урала еще в середине XX в. По воспоминанию жительницы села Тюлюк, «раньше семьями жили. Я вышла — девятой была. Четыре деверя было только, старики: свекор со свекровью, да отец с матерью еще были. <...> Вот один еще деверь женился, еще сноха была. Мы на полу спали, а другие молодые — на кровати, деревянные кровати были тогда. Дедушка с бабушкой, они <...> сами по себе. Мы как поженились, другой брат женился. У нас двухэтажный дом был, их вниз отделили. Отделали там все, выбелили, их внизу, стариков, отделили»⁵⁶. Другая сообщает, что в 1950 г. «пришла в семью мужа одиннадцатой — мать, сестра [мужа], две снохи, у брата трое детей [было], золовка с сыном восемь лет. Четыре женщины в одном доме. Жили одним хозяйством»⁵⁷. В первой половине 1950-х гг. местные жители причину дробления большого семейства видели в запрете держать в одном семейном хозяйстве более одной коровы: «Сейчас нельзя держать больше одной коровы. А с одной коровой большой семье прожить трудно». Наблюдатель далее замечает, что родственные семьи «часто живут в одном доме, но имеют разные хозяйства»⁵⁸. Вспоминает житель села Александровка (1925 г.р.): «Мы отделились [от родителей], тогда вроде стал я хозяин. Мы когда отделились, хозяйствовали вместе. И скотина вместе была. Была у него корова и у нас корова, и косили вместе»⁵⁹. Приведем еще одно воспоминание: «В колхозе раз в год давали деньги. Уборочная пройдет, в конце декабря — начале января

отчетное собрание, после отчетного на второй день деньги дают... Мать говорила: „После отчетного дом купим, если денег не будет хватать, пшенички продадим”. Но продавать не пришлось... Рожь, пшеницу на трудодни давали, тонну зерна получали, очень хорошее... Если лишнее, ездили на базар, продавали... Корова тогда стоила 250–300 рублей. Отделили в отдельный дом, чтобы корову купить, чтобы молока детям больше было. Сначала брата отделили, потом и нас на другой год. Разделили дом, прорубили двери, стали считаться, на две семьи. Стало две коровы. Работали сообща. Стали покос давать каждому, косили по очереди»⁶⁰. Деление больших семейств на самом деле отчасти имело фиктивный характер. Информанты подчеркивают факт общего ведения хозяйства после раздела семьи и главенствующую роль родителей в общей хозяйственной деятельности.

Взаимоотношения в семье

Русской семье была свойственна традиционно сложившаяся система внутрисемейных взаимоотношений, преемственность которой прослеживается для семей отличных по структуре и типу.

Одной из ее черт было главенство старшего мужчины в семье (большака, мужа, отца), что выражалось в фактически принадлежащем ему праву на управление хозяйством. Так, главе большой неразделенной семьи (большаку) принадлежала неоспоримая, авторитарная, очень широкая власть, причем сфера ее применения была строго определена традицией. С. Пономарев в 1887 г. описал жизнь больших неразделенных семей у оренбургских казаков. По его замечанию, «большачество» передавалось не по выбору и признанию, а по летам и старейшинству⁶¹. Большачье звание являлось почетным. Он представлял семью на сходе и при сборе повинностей, его свидетельство в волостном суде имело больший вес, чем слово младших членов семьи. Большаку присваивалось право решать важнейшие вопросы семейной жизни. Договоры, отдача в заработки, женитьба сыновей и внуков, выдача дочерей замуж — все это было нераздельным правом большака⁶². С. Пономарев даже приводил случаи, когда «выберут сына, а волостью правит его отец-старик: сын-от, хоть и волостной старшина, а пикнуть не смеет супротив родителя»⁶³. Неоспоримое главенство старшего мужчины в семье сохранялось довольно долго. Так, информатор (1920 г.р.) отмечала, что когда она вышла замуж в большую семью в 1937 г. «главой семьи свекр был. Без него — нет, чай не попьешь! Скажет: „Погодите, успеем”. Раньше, Боже упаси! В переднем углу уж всегда хозяин, хозяйка садятся, рядом — семья»⁶⁴. Мужские работы в большой семье распределялись боль-

шакон. Если работников в семье было много, то одни члены работали на пашне весной, другие — в страду и третьи — осенью, или же в страдное время все объединялись вместе⁶⁵.

Все домочадцы выполняли волю домовладыки. Выстраивая отношения с другими семьями, священником, старостой, с урядниками, члены семейства действовали через старшего. Отец семейства имел право наказания взрослых членов семьи. К примеру, по словам жительницы села Сергиевка Оренбургского района, дед применил физическое наказание к внучке, которая сбежала от мужа после свадьбы: «Назначили свадьбу, отгуляли и привезли [к мужу]! Она вздумала уйти от него [вроде он росточку небольшого] — там отец [её] подхватил, бабушка, было, заступилась: „Дед, Аллочка пришла!“ — „Чего она пришла?“ — „Да ну его, сморчка, не хочет она с ним жить!“ — „А, не хочет!“ — принес холудинку, как ввалил три раза на той печке [она сидела на печи] — она с печки, да к мужу. Больше не уходила»⁶⁶. Неоправданная жестокость осуждалась. Так, в документах станичного суда Долгодеревенской станицы отложено дело по жалобе казака А. С. Подкорытова на жестокое обращение свекрови и свекра с его дочерью. Казак сообщил суду, что «выданная им в замужество родная дочь его Елена Александровна по мужу Заварухина, часто... приносит жалобу, что свекр ее, казак Константин Заварухин и жена его Василиса Борисовна постоянно наносят ей обиды и к тому настраивают и мужа ее и даже иногда не дают к пропитанию ее никакой пищи». «Спрошенные судом» свекр и свекровь не сознались. Однако, «на спрос суда целое общество поселка» показало, что «Заварухины сноху свою частовременно изнуряют. Сноха Константину [еще одна] Наталья Ефимовна показала, что при ней свекровь их наносила Елене обиды, и даже сорвала с нее шаль». Суд постановил наказать казака Константина Заварухина штрафом в размере трех рублей серебром в пользу общественной суммы, а жену его, «как более растлившую семейную жизнь, держать при станичном правлении 6 суток»⁶⁷.

Все зарабатываемые членами семьи средства, в том числе доход с заработков сыновней, отряжаемых главой семьи на работы на стороне, доход, получаемый семьей от земледелия, — не делились, а составляли общую сумму в казне у домохозяина и поступали в его распоряжение. Без ведома отца никто не мог вести самостоятельных хозяйственных операций. Показателен случай, рассказанный жительницей города Усть-Катава (1919 г.р.). Она вышла замуж в село Александровка в большую семью, где вместе с ней проживали еще три снохи. Однажды, свекр отправил её с мужем продать зерно. За зерно они выручили сумму гораздо большую чем та, на которую

рассчитывал домохозяин да и они сами, поэтому одну из денежных купюр решили спрятать в сарае за балкой. Однако, некоторое время спустя ими овладел такой страх, что отец узнает об их поступке, и они решили покаяться — «пали в ноги» и отдали купюру. В 1920-е гг. в некоторых казачьих семьях отец разрешал сыновьям помимо общесемейных средств иметь свои, которыми каждый сын мог распорядиться по своему усмотрению. С этой целью отец позволял сыновьям, кроме общего посева, иметь небольшой (0,5–1 га) собственный посев или держать одну свою корову⁶⁸.

По наблюдению С. Пономарева, на Урале старики были очень крепки, поэтому до глубокой старости домовладыка не покидал сохи, сам работал наряду с домочадцами. Подсчеты данных из посемейных списков казаков за 1862 г. показывают, что у казаков средний возраст главы семейства составлял 48 лет, при этом глав семей старше 70 лет было только 6%, старше 60 лет — 22%, остальные были моложе. Когда отец становился слаб, то оставался только распорядителем хозяйства. Часто глава семьи со времени женитьбы старшего сына брал на себя лишь «стариковскую работу». Так, по некоторым сведениям, хозяин дома с 40 лет начинал отпускать бороду и отращивать усы и уже сам не работал⁶⁹. Если старик-большак лично не работал, он переезжал на кобыле с одного поля на другое, присматривал за работой других, привозил обеды на наделы. Наряжал на работу наемных работников и сам нанимал их на разводках (местах найма). Если он сам был не в состоянии стать на полосу, то возил хлеб к селу, в скирды или на гумно. Зимой он же принимал подряды на доставку дров, леса, камня, соли и т.п.⁷⁰ По свидетельству информанта (1937 г.р.), из города Катав-Ивановска «со стариками советовались, [они] работали до смерти, 75 лет — с граблями. [Старики] были законодателями, когда косить, когда что делать, когда картошку копать, 13 сентября — нельзя, надо с 14-го [копать], косить с Казанской, 21 июля — трава осеменялась»⁷¹.

Выстроенная в русской семье иерархия определяла подчиненность младших членов семьи старшим, а также строгую регламентацию поведения младших членов семьи. Так, в казачьей песне перечисляются «заботушки молодушки», только что вышедшей замуж молодой снохи:

Как молодушка живет первый год замужем,
Первая заботушка — свекр и свекровушка,
Вторая — деверь и золовушка,
Третья заботушка — по утру рано вставать,
Четвертая заботушка — муж — удала голова⁷².

Снохи называли свекровь «мамашей», свекра — «папашей» (а своих родителей — «маменькой» и «тятенькой») ⁷³. В соответствии с установленным в семьях порядком невестки подчинялись свекрови (большухе). От отношения свекрови во многом зависело положение невестки в семье: «Кабы знала я, девчоночки, // где мне замужем бывать, // побила бы свекровушке // капусту поливать», — поется в частушке ⁷⁴. Во многом зависимость связана с тем, что свекровь исполняла роль хозяйки дома, распределяла домашние работы. Так, по словам информанта (1920 г.р.): «Свекровь скажет: вот это тебе, а это тебе. Свою работу знал каждый. Я как встаю — сразу же за работу. Воды натаскать, дров принести или, если я постарше была той снохи, так и доила коров... телят поила маленьких. Я уж знаю свою работу. Она — свою работу. Она по избе там, в избе. Ей куда сходить — в магазин, да чё ли. Каждому свое дело. Не ругались николи. Раньше — спаси Бог. Свекровь только взглянет вот эдак на тебя — догадаешься, побежала уж. Дедушка с бабушкой (родители свекра) они уж не ввязывались. Они сами по себе» ⁷⁵. У казачек в Тимофеевском поселке женские работы в семье обычно разделялись следующим образом. Если, к примеру, в семье были три снохи и несколько детей, то работу между ними свекровь распределяла так: одна сноха — стряпка, другая — скотница и третья — гуляка ⁷⁶. Самой трудной работой считалась работа стряпки, женщины при первом удобном случае работу у печки передавали другим. Стряпка должна была печь хлеб, готовить пищу для всей семьи и кормить всех членов семейства. Скотница была занята уходом за скотом. Меньше всех работала «гуляка». Она только прибирала в комнатах, а остальное время отдыхала и только в крайнем случае, по своему желанию, могла немного помочь в выполнении работ другим снохам. Каждая из снох выполняла ту или иную работу в течение одной недели, потом переходила на вторую, третью работу и т.д. Приведем рассказ информанта из села Мураговка (1930 г.р.): «Вставали в пять утра. Каждый день квашня. Мать заводила вечером. Месили снохи. Пекли по 8 булок. Нынче квашня, завтра сдобнушки, кокурки» ⁷⁷. На особом положении находилась молодая сноха. В первые недели после свадьбы она никакой работы, кроме уборки комнат, не выполняла, и в течение одного года ее освобождали от печения хлебов и приготовления пищи ⁷⁸. Во время покоса и уборки хлеба все снохи, за исключением стряпки, уезжали в поле, и тогда все работы по хозяйству выполнялись только стряпкой. Свекровь, если была здорова, то наравне со снохами выполняла часть домашней работы. Из воспоминаний жительницы Нязепетровска: «После женитьбы наша мама называла свою свекровь „мамонька”».

Мамонька вела хозяйство: ставила квашню, пекла хлеб, готовила еду»⁷⁹. По словам информанта из поселка Тюлюк, «свекровь свое дело делала у печи, варила, готовила обед <...> хлеб пекла хороший. На неделю испечет, если не хватает, снова затевает, опять свеженького пекёт. А я на дворе убиралась со скотиной, воды носила»⁸⁰. Обычно свекровь осуществляла присмотр за детьми в страду. Приведем свидетельство, относящееся к периоду конца 1950-х гг.: «В покос с ребятишками свекровь оставалась. Уходили на работу с восходом солнца, с закатом возвращались»⁸¹.

Свекровь следила за своевременным и добросовестным исполнением работ. По воспоминанию жительницы села Александровка, «свекровь сердитая была. Рычагом (кочергой) гоняла. Три снохи в одном доме [было]. Одна испекла хлеб, [тот] расплылся, [свекровь] взяла и каравай приложила вместо печной заслонки» — «выставила на позор»⁸². Справедливость в отношении снох, равномерное распределение обязанностей между женщинами соблюдались, очевидно, не всегда. Говорили: «Свекровь — чужая кровь»⁸³. Так, жительница деревни Александровка в 1953 г. сообщила, что как только вышла замуж, свекровь «пошла на отдых»: «Мы 30 лет живем, так до этого года я ей белье стирала. На покос мне идти, мне же печку топить, приду, пол сама вымою, а она, как красная девица». По словам наблюдателя, свекровь, еще «крепкая старуха», действительно, почти ничего не делала по хозяйству, хотя ежедневно ходила к отдельно живущему сыну 67-ми лет топить печь, доить корову, прибирать дом»⁸⁴.

Сложность взаимоотношений, зависимое положение невестки от свекрови и других членов семьи — излюбленный сюжет русского фольклора: «Песни пой, пока поется. // Замуж выйдешь — не вать. // Попадет свекровка злая — // Станешь песни забывать»⁸⁵. В фольклоре замужество определяется как жизнь в не родном доме, на чужой стороне:

Калина с малиной
Ррано расцвела.
Да ту пору — времечко
Мать дочь родила.
С умом не собралася,
Замуж отдала
Во чужую сторонушку,
В дальние края.
Чужая сторонушка
Без ветра сушит,
Чужи отец с матерью
Без вины бранят,
Посылают меня, девицу,

В холод за водой.
Нейду я, девица,
В сад за водой,
Зябнут мои ноженьки
На снежке стоять,
Прищипало рученьки
Ведрышки держать.
У родимой маменьки
Я три года не была⁸⁶.

Свекровь могла повлиять на отношение сына к невестке, способствовать сплочению его семьи или, наоборот, внести раздор. Так, информант из села Березинка (1930 г.р.) пересказала воспоминания своего деда, которому довелось жить в большой семье (семья состояла из четырех женатых братьев, сестры и их матери — вдовы). По ее словам, однажды «бабушка (мать дедушкина) заметила, что сноха (жена старшего из четырех братьев) невеселая. У нее была своя комната, она туда [ее] вызвала: „Ну, рассказывай, почему невеселая” — „У меня Ваня изменяет <...> встает и уходит к другой...” Утром собрались все за столом, стол длинный, большой. Первая начинает кушать бабушка, ну, дедушкина мама. Она берет ложку, а этот старший сын сидел рядом, потом следующий сын. Вот таким образом и сидели. Она берет ложку, обычно как, отхлебнула из чашки, и тогда все есть начали. „Она, — говорит (дедушка), — берет ложку, я <...> сижу в уголке со своей [женой] Ольгой Васильевной, она берет ложку, не в чашку протягивает руку-то, а ложкой-то как даст ему по лбу, тут такой звон. Все между собой так переглянулись” — „Ой, мам, за что меня?” — „Иди ко мне в комнату”. Он встал, положил ложку и пошел к ней в комнату, ну, где она богу молилась. Все она там ему прочистила, как следует, наверное. Кушать он не стал и в обед не сел. Она его после этого отругала, говорит: „Всё, хватит”. И после этого как рукой сняло. <...> И повеселела Дуняша, и никогда со снохами не ругались»⁸⁷.

Несправедливые отношения свекрови к невестке нередкий сюжет народных песен: «Вся семеюшка спит, // Одна мать не спит, // Своего сына учит: // Ой, сын, ты мой сын, // Дитя милое. // Чего водочку не пьешь, // Молоду жену не бьешь? // А зачем ее бить? // Она все может робить: // Хоть шить, хоть мыть, // Хоть со мной поговорить, // Хоть жать, хоть вязать, // Хоть со мною полежать»⁸⁸. Невестки зачастую именно свекровь считали виновницей семейного раздора. Так, казачка Еткульской станицы Анна Сухорукова подала в суд жалобу о нанесении ей сильных ударов нагайкой по спине не только на своего мужа, но и на свекровь⁸⁹. Представление о праве свекрови вмешиваться в отношения между сыном и невесткой

сохранялось довольно долго. Так, в 1936 г. колхозница У. Брюханчикова внесла предложение в «постановление о запрете аборт»: «Я бы хотела, чтобы при разводах были налажены взыскания на лиц, способствующих разводам и многоженству, также как при абортах. В моей жизни получилось именно так. Мой муж Брюхинчиков В., бригадир тракторной бригады, кандидат партии развелся со мной по науськиванию свекрови. Его брата <...> их мать подстрекает на четвертый развод»⁹⁰. В этнографических материалах экспедиции В. Е. Гусева неоднократно встречаются подобные сюжеты, упоминается некий Любимов, у которого мать перебирала снох⁹¹. Также сообщается о разведенке Марусе Шубиной, 20 лет, которая в 17 лет вышла замуж, но ушла из дома свекрови к матери, когда муж служил в армии, потому что свекровь стала к ней плохо относиться, «довела до того, что по стенке ходила». «Когда муж пришел из армии, стал звать жену к себе, но отделяться от матери не захотел»⁹². Жительница поселка Арси (1927 г.р.) рассказала, что ее жених пришел из армии «уже с женой, а свекрови, вот, мамаша раньше звали, не понравилась она. [Он] отправил [ее] и пришел ко мне [свататься]»⁹³.

До революции почти в каждой казачьей семье можно было встретить снох, которые проводили мужей на армейскую службу:

У двора, у двора казачьего,
У крыльца, у крыльца шеломчатого
Молодой казак тут коня седлал,
Молодая женушка коня держала,
Коня держала, слёзно плакала:
«Ты талан ли талан, участь горькая!
Как бы знала я про то, ведала,
Просидела как бы в девушках,
Прослыла бы во невестушках!»⁹⁴

Таких женщин у казаков называли «армейками». Было принято, чтобы армейка в отсутствие мужа-казака воспитывала детей и выполняла работы в хозяйстве свекра. Так, известен случай, когда свекор подал жалобу в суд на свою невестку, жену призванного на действительную службу казака, за то, что она ушла к своему отцу и жила у него 6 недель. Истец «вовсе не желал, чтобы его сноха шаталась по подворьям», так как он снарядил сына на службу на собственные средства⁹⁵. По наблюдению Д. К. Зеленина, у казаков поселка Благословенного, напротив, не осуждалось, если жена вместе со своими детьми переходила жить в дом своего отца в случае ухода мужа на службу⁹⁶. Армеек обычно не обременяли тяжелыми работами в доме свекра, по мнению наблюдателя, не столько из чувства гуманности, сколько из желания завоевать симпатии от-

сутствующего сына⁹⁷. В горнозаводской зоне Южного Урала таких женщин называли солдатками. Даже в 1950-е гг. здесь было принято, чтобы в случае длительного отсутствия мужа (служба в армии, отъезд на заработки) сноха жила в доме свекрови. Так, в 1953 г. А. И. Шубина (1929 г.р.) — «солдатка» из села Тюлюк жила в доме его матери⁹⁸. По данным экспедиции В. Е. Гусева, в 1950-е гг. солдатки не имели права гулять, ходить в клуб, в кино. К примеру, солдаткой называли жительницу села Тюлюк Валю Сырцову — «ее мужа забрали в армию на 3 месяца. Она не ходила в клуб, в кино, сидела дома „с ребенком своей матери”». «Так, — заключает автор сообщения, — принято во всех семьях. И ни у кого не вызывает удивления или возражения. Молодые женщины сразу же погружаются с головой в домашнее хозяйство, часто перестают работать в артели. Если женщина вела себя иначе, то быстро расхочется с мужем, ему такая не нужна (Тася Цапова, 21 год)»⁹⁹.

Для русской семьи была характерна подчиненность жены мужу. Традиционно муж считался хозяином своей жены. Самовольный уход жены из семьи считался недопустимым, даже если причиной его было плохое отношение. 4 февраля 1886 г. Еткульский станичный суд разбирает заявление казака Трофима Васильева Борисова. По словам заявителя, жена его Екатерина два месяца назад скрылась из дома. После долгих розысков он нашел ее в Еманжелинском поселке у родственника. Суд обязал доставить Екатерину обратно к мужу, а также постановил «ублаготворить» Трофима Борисова за проведенные им в розысках 10 дней «с лошадей» за счет «пристанодержателя»¹⁰⁰.

В общерусской традиции существовало устойчивое представление о недостаточной разумности женщины и ее неполноценности в качестве хозяйственной единицы. По описанию М. Д. Голубых, в Тимофеевском поселке женщина единолично решений не принимала, «советуюсь» с мужем, причем его совет являлся для нее непреложным законом. По его же наблюдению женщина не могла продать из хозяйства без разрешения мужа даже 7–8 кг картофеля или 1 м холста. При этом, если к казаку кто-нибудь приходил по делу, то он ничего определенного пришедшему не говорил, обязательно отвечал: «Зайди после, посоветуюсь с женой, тогда и решу». Но на самом деле муж советовался с женой редко, а чаще только ставил ее в известность о том, что намерен предпринять, принимая решение единолично¹⁰¹. Вместе с тем у горнозаводских крестьян и казаков отмечалась большая самостоятельность женщин. До революции в горнозаводской семье авторитет матери-хозяйки был очень высок в силу занятости мужа на заводских работах. У казаков муж много времени проводил вне дома. По замечанию С. По-

номарева, казачка значительную часть жизни «живет без надзора. Ее муж в степи, на службе. Она же правит всем домом»¹⁰². М. Д. Голубых приводил в пример несколько семейств, где руководящую роль играла хозяйка. Женщины смотрели «под каблуком у бабы»¹⁰³. На Южном Урале женщины выполняли некоторые работы, традиционно считавшиеся мужскими. В поселке Рымник, «когда казаки были в поле, бабы и дрова рубили, и всё [другое делали]»¹⁰⁴. В поселке Тимофеевском, по словам М. Д. Голубых, женщины не посылались только для вспашки и бороньбы земли да для пилки дров, а все остальные работы выполняли наравне с мужчинами, постепенно «приучили женщин к тому, что они наравне с мужчинами принимали участие в молотье хлебов и уборке покосов»¹⁰⁵. У горнозаводских крестьян Троицкого уезда женщины работали в поле почти наравне с мужчинами, участвуя в посеве яровых и бороновании, они первые начинали жатву, а после им помогали и мужчины. Женщины сгребали и копнили сено. Во время работы на частных золотых приисках они возили песок и промывали его на ручных станках¹⁰⁶. По воспоминанию жительницы села Березинка (1930 г.р.), ее мама была «настоящая казачка», «все лежало на ее плечах... Мама горячая была... Мама уходила, сенокосила... Сено косила сама, от мужика не зависела, а мужик психует, что она впереди его уйдет, когда начнет косить сено. И жара такая стоит, это немисливо косить сено»¹⁰⁷. Жены не были лишены права голоса в семье. Так, жительница Брединского района со слов ее деда — казака — рассказала, что до революции он «пробовал верблюдов держать. Купил верблюдицу, привел, она оверблюдилась, а потом <...> братик был у мамы маленький, узнал, что верблюды плевать могут, ну, он в верблюда плюнул, а тот, как плюнет, он [братик] пришел, плачет. А Ольга Васильевна [жена деда] говорит: „Нет, не надо нам верблюда. В ребенка будут плевать всякой пакостью”». После этого дед, по словам информанта, «аннулировал этих верблюдов»¹⁰⁸. Приведем рассказ другого информанта: «Вот я тебе говорю: „Мы зятя взяли”. Он партийный был. Ему велели убрать иконы. А жена [ему] сказала: „Я занавеску сошью и повешу [чтобы их не было видно], а он Ленина принес и хотел повесить [там, где были иконы] и скандалить стали. „Я разойдусь, — она говорит, — если ты Ленина поставишь [вместо икон]. Я вот повешу занавеску, вот ты и ставь куда хошь Ленина”»¹⁰⁹.

Согласно общепринятым представлениям, к жене, как существу априори менее разумному (по разуму выше ребенка, но ниже мужчины), можно было применить силу «ради учения». Существовала поговорка: «Сколочена посуда два века живет». Так, в 1952 г. 92-летняя жительница села Александровка Катавского района

отметила, что «раньше баб поленьями били обязательно. Это такой порядок был и законно»¹¹⁰. Женщина терпела «поучения» даже живя в не венчанном браке¹¹¹. Однако, в то же самое время семейные раздоры осуждались, «буйство» мужа и отца вредило репутации его и отдельных членов семьи, могло, к примеру, послужить причиной отказа жениху при высватывании невесты. Так, по воспоминанию информанта Миньяр (1930 г.р.), ей не разрешили выйти замуж за любимого парня, мотивировав отказ тем, что «у того отец пьяница, буйный, самовары из окошка летели. Да ты за кого пойдешь?»¹¹² Поэтому, казаки например, наружно всегда старались показать, что в семье живут дружно. У них ругать жену при людях или бить было не принято. Если муж был недоволен поведением жены, то ругал ее наедине так, чтобы этого не слышали соседи и остальные члены семьи¹¹³. По наблюдению Р.Г. Игнатьева, если же муж «воспитывал жену» при людях, никто не считал вправе вступить, — дело семейное¹¹⁴. Обычно родственники или соседи вмешивались в семейные раздоры в исключительных случаях. Практика невмешательства сохранялась и в советское время. Так, в конце 1920-х гг. женщины-активистки отмечали, что милиционеры «при случае драки (в семье) не идут на защиту женщин»¹¹⁵.

Приведем материалы нескольких судебных разбирательств по заявлениям женщин. 9 марта 1886 г. в Еткульский станичный суд обратилась казачка поселка Сухоруковского Анна Михайловна Сухорукова с жалобой на мужа Никанора Васильева Сухорукова за нанесение ей побоев. Врач Вятковский освидетельствовал Анну, нашел на спине «сильно нанесенные нагайкой удары», счел их «при повторении вредными ко здоровью». Вызванные жители поселка встали на сторону Никанора и одобрили его поведение. Судьи отметили, что Анна «имеет в себе дурной характер и подает на себя явное при суде неповиновение». Иск был оставлен без удовлетворения, суд и общественное мнение оправдали побои женщины для укрощения ее «дурного характера»¹¹⁶. Показательно также решение суда по жалобе казачки Парасковьи Павловны Бухариной из поселка Еткульского на своего мужа урядника Осипа Тихоновича Бухарина. Истица просила о «взыскании с мужа по закону» за то, что он «занимается любострастием со снохой своей, женой родного сына Настасьей Яковлевной Бухариной, из-за чего содержит ее в общесожитии, кроме того, согнал [жену] из дому своего». «Спрошенный» в суде казак с обвинениями не согласился и сообщил, что жена отлучилась из дома самовольно, о чем он ранее заявил поселковому атаману и «сей последний ссылку Бухарина подтвердил». Жители поселка поведение урядника Бухарина одобрили, а «жену его Прасковью не одобряют»,

ибо она, по мнению соседей, «не делает послушания противу мужа своего». Суд решил «казаку Бухарину за несправедливый извет, а также выслушивание неприличностей присудить, что ничем не доказывається». Жену его «в пример других» держать при станичном правлении под арестом трое суток «со внушением, дабы она на будущий раз от сказанных несправедливых изветов воздерживалась»¹¹⁷. В Долгодеревенском станичном суде рассматривалась жалоба тещи на зятя. По ее словам, находясь в доме зятя, она стала свидетелем того, как зять бьет ее дочь, вступилась: «Зачем он делает буйство в семейной жизни». В ответ на это, зять «бросил [бить] жену и нанес ей побои» сначала дома, а затем на улице. Спрошенные соседи показали, что видели заявительницу на улице лежащей, но чтобы ее бил зять не видели. Сам казак Тарасов показал, он был «выпимши», сидел за столом во время ужина, произнес матерное слово между разговоров с женой, а теща начала делать упреки. Он вывел ее, «дабы она не могла являться в чужой дом со своими наставлениями». Побоев не наносил. Суд факт побоев, а также заявительницу пострадавшей не признал, но сделал казаку строгий выговор, чтобы в будущий раз «обращался с родными хладнокровно»¹¹⁸.

Из последнего документа очевидно, что станичный суд и общественное мнение не признали право тещи на вмешательство в дела семьи зятя. Любопытно, что Осип Тихонович Бухарин не считал уход жены из дома делом семейным: он ставит в известность поселкового атамана о незаконном поведении жены (ушла из дома). Обращает на себя внимание и то, что женщины привлекают третью сторону (суд, общество) для оказания влияния на мужа (зятя) и изменения его поведения в семье. Подобная практика (обращения жен с жалобами на поведение мужей) сохранялась довольно долго, в советский период по заявлению женщин приходили разбирательства с мужьями в парткомах и трудовых коллективах. Решения выносились, как правило, в пользу жен, что стимулировало их еще большую активность. Хотя и редко, попадались такие женщины, что не только не давали себя в обиду, но подчас и сами могли побить мужа¹¹⁹.

Муж считался кормильцем жены по своему состоянию. В содержании жены каждый супруг стремился не отстать от «ровни». Так, по свидетельству внучки зажиточного казака из села Березинка, жена его бабушки Ольга Васильевна была «жалована». Дед говорил, что она умела жать серпом, но он нанимал на жатву работников — «ее жалел. Жена всё, хозяйка, ее называли хозяйкой, она наряжалась, каждое воскресенье в церковь в Троицк ездила, лошадь выездная была и кошевка для этого дня. Поехала, как

захотела помолиться, в главную церковь. В свою-то она ходила по праздникам, а туда ездила уже вроде как на показ»¹²⁰. Представление о муже — кормильце жены и детей — было довольно устойчиво. В XX в., когда в промышленных целях стал широко использоваться женский труд, муж продолжался считаться кормильцем семьи. Так, в 1950 г. исполком Симского станционного совета рассмотрел заявление от «гражданки Трифионовой с просьбой о вспашке огорода ввиду болезни и малых детей». Совет в просьбе отказал, потому что «у гражданки есть муж» и постановил «обязать мужа посадить картошку»¹²¹. Этим же представлением, отчасти, объясняется и более высокий заработок мужчин в советское время. Так, в 1953 г. заработная плата в бондарном цехе промысловой артели села Тюлок составляла 500–600 рублей у мужчин и 300 рублей у женщин¹²². Представление о муже — кормильце жены и семьи — связывалось с традицией отдавать жене весь заработок, установленный еще с дореволюционного времени в семьях горнозаводских рабочих¹²³ и сохранявшейся в советский период. Так, на вопрос, кто в семье распоряжался деньгами, одна из информантов ответила: «Женщины. У нас женщины, что не говори. Если ему надо на что-то, я, пожалуйста, даю. Так-то всегда женщина. Деньги у нас всегда в одном месте были. Но факт тот, что без разрешения никогда не брал»¹²⁴.

Важная черта русской семьи — относительная экономическая независимость женщин. Приданое в русской семье традиционно считалось собственностью жены, его было принято передавать по женской линии. После смерти жены, не имевшей дочерей, ее приданое отвозили в «родство её», а не оставляли мужу. Приданое нельзя было продать без согласия жены или отнять у нее. Так, в 1887 г. казачка поселка Баландинского Олимпиада Иванова Смолина обратилась с иском об удержании свекром приданого, заявив, что ее муж дурно обращался с ней, потом совсем прогнал из дома с тем, чтобы она более к нему не возвращалась. Исполнив желание мужа, заявительница от него ушла, но свекор ее имущества не отдал, мотивируя поступок расходами на свадьбу. «Но, как известно, — писала О. Смолина, — свадебные расходы, каковых я с них не требую, делаются с обеих сторон одинаковые». Суд постановил возратить приданое¹²⁵. К невестке с богатым приданым лучше относились в семье мужа. Приведем свидетельство жительницы села Шемаха: «У нас невеста сама готовит все... Я ткала себе, как называется дерюга такая. Полотенца сами ткали. Ну, хоть не много, но все у меня было. Машинка была у меня швейная, я машину взяла [в приданое], мама на низ [сундука] положила... Туту-ка раньше мыла не было, золой мылись. А у меня отец куда-

то съездил, я даже не помню, откелева он привез много мыла, мешок даже, и мне этого мыла наклали. И вот когда я вышла замуж, свадьбу-то отыграли, свекровь и говорит: „Саня, надо баню истопить. Стираться будем... Ты там золки-то положи, — в котел такой — накладывай и горячей водой залей”. А я думаю: „На что мне эта [зола]?” Я ей и сказала: „На что мне?” Ну, я и вытаскиваю мыло, кладу две печатки сразу на стол. Она перепугалась, схватила подол и сразу к соседке, к тете Дуне. Прибежала и говорит: „Ой, Дуняшка, у молодой-то мыло есть, <...> у ей все есть, она девка заботливая”»¹²⁶.

Женщины самостоятельно распоряжались приданым. У Оренбургских казаков, когда невестки приносили в качестве приданого деньги, то могли на них арендовать несколько десятин земли и нанимать рабочих. В таком случае доходами они же распоряжались по собственному усмотрению, без вмешательства домохозяйина¹²⁷. Скотина, полученная в приданое, считалась собственностью невестки. Телок из приданого оплачивался на покотине невесткой самостоятельно. В некоторых местах (в крестьянских местностях, где сена было мало и оно считалось дорогим) приплод от скотины невестки считался семейным на том основании, что «невестина скотинка ест семейное сено». У казаков земли под пастбища было много, поэтому приплод считался невесткиным, так как «скотинка сама себе сено заробила»¹²⁸.

Чтобы заработать на приданое, девушкам разрешалось уходить на заработки. Их не удерживали ни родители, ни большаки — деды, дядья и т.п. Иногда и сам большак отправлял девок снопы вязать, жать, сено сгребать и т.п. Девушки нанимались мыть и чистить шерсть, полоть на огородах, копать картофель и пр. В поселке Аландском девушки из бедных семей летом нанимались месить кизяк¹²⁹. В поселке Арси девушки вязали на заказ шали: «Ох, девчата... Вязали мы, все-от вязали... Шали вязали все, большинство паутинки вязали. Вот я сколько шалей перевязала, тогда в люди бралась. Что я буду плясать что ли [на вечерках]... мне вязать надо»¹³⁰. Жительница Шемахи (1919 г.р.) подчеркивает, что приданое себе «сама заробила»: «Я в колхозе когда работала, я и хлеба заробила, я и гороху заробила, и меду заробила. Отец это мне все смолот, на муку переделал, я со своим хлебом вышла. Три мешка муки вынесла, и гороху мешок намолотили на кисель. Простыни мне потом отец купил — золото сдавали. <...> Отец меня забрал и сам пошел [искать золото]. И золота натыкались [мы] маленько... И это золото взял [отец], сдал и простынь мне купил»¹³¹.

У казаков огороды считались одним из первых бабьих промыслов. Хотя бахчи, капуста, подсолнечники представляли общесе-

мейное имущество, огурцы обычно делили по грядкам. Невестки на собственные деньги нанимали посторонних возить навоз или, попросив у «отца» (большака) лошадь, сами удобряли свои грядки. С них они имели полное право продавать продукты, особенно это было заведено близ города. Женщины могли распоряжаться частью подсолнечника, выделенного на «грызение». В станице Татищевской женщины садили отдельно и капусту. Сами же, по двое, отправлялись продавать ее на базар. Выручку обыкновенно делили поровну сразу после продажи¹³². Женщины имели доход с шерсти овец. Всю собранную шерсть они мыли вместе, и потом ею распоряжались большухи, «большие бабы», вместе с шерстью они отдавали на руки женщинам «каждого венца» лен и пряжу по количеству душ. Каждая женщина из своего пайка сама вязала мужу и детям варежки и чулки. Покупать такие вещи на базаре, по словам стариков, «срамотой считалось встарь»¹³³. Остатки шерсти женщина могла продавать даже без особого позволения мужа, который не всегда мог вмешиваться в ее дела.

У женщин существовали и другие источники доходов. Например, в Городище многие женщины брали на дом на заказ пряжу от других. Некоторые даже собирали для этого у себя женщин-работниц и заводили постоянные светелки, становясь заправительницами небольшой артели. Иногда женщины отправлялись на работы «в чужие люди». У казачек это было принято в меньшей степени. Казачка считала постыдством наняться к постороннему. Для казачки уйти в город, в кухарки, — это срам, который висел над головой долгое время, и истинная казачка предпочитала голодать, чем пойти в услужение¹³⁴. Это подтверждал и Р. Г. Игнатьев: «И доселе мы не слыхали, чтобы казачка сделалась содержанкой»¹³⁵.

Отец

Традиционно ключевой фигурой в семье считался отец, его статус был очень высок и сочетал в себе совокупность прав по отношению к детям, а также обязанности по жизнеобеспечению семьи. Отец не пестовал детей, считалось, что он должен поставить себя в семье так, чтобы дети его «боялись», из тех соображений, что мать может избаловать ребенка. На отце лежала ответственность за воспитание ребенка, вместе с тем в обязанности отца входило наказание детей. Отец мог и за уши подергать, и за волосы потянуть, и прутом выпороть ребенка «для его вразумления». Однако, отцу не полагалось наказывать сгоряча. Отцовское наказание, как правило, было редким и запоминалось на всю жизнь. Если мать порой была не в состоянии унять детвору, то она непременно говорила: «Постойте, отец придет с поля, пожалуюсь ему, он вам

даст баню»¹³⁶. Отцу принадлежало право принимать решения в ответственные моменты жизни детей: о выдаче замуж дочери, женитьбе сына, выделении сына из семьи и пр. Выбор отцом жениха для дочери — один из распространенных сюжетов русских народных песен, в том числе песен оренбургских казаков:

Женихи были приезжие:
Из Москвы были приказчики,
Из Уфы были торговщики.
Что не отдал меня тятенька
Ни за князя, ни за барина,
Запросватал меня, свет родной,
За того вора-разбойника¹³⁷.

Особая роль отца в решении о замужестве дочери или женитьбе сына также подчеркивается в частушках, исполнявшихся на Южном Урале: «Меня сватали, не отдали// В семейку к милому.//Видно, я не надоела// Папеньке родимому». В некоторых из них акцентируется внимание на регламентации отцом самого факта вступления детей в брачный возраст: «Тятенька обидел,//сапоги больши купил,// сапоги больши купил,// чтоб я к девкам не ходил.» или «Я у тятеньки просила// Все суконного плата.// И принес родимый тятенька// ременного кнута».

Отец обучал сыновей, выступал их наставником в работе. У казаков отец приучал сыновей ездить верхом на лошади. Пока ребенок еще не мог держаться на лошади, отец его возил с собой, посадив впереди себя. Дальше начинал садить уже одного. Уцепившись «как клещ» и прижавшись к спине лошади, мальчуган ездил на водопой, причем отец шел рядом с ним, ухватив коня под уздцы. Если ребенок видел, что отец намеревался поехать верхом, он с плачем просил взять и его с собой. Благодаря этому мальчик-казачонок уже в семь лет становился смелым, лихим наездником, а в десять уже скакал, как взрослый. Об этом писал А. И. Кривошеев: «Мчится в карьер казачья лошадка, а на ея спине, стоя, упершись в хребет босыми ногами, с лихим гиком, несетя казачонок. Горе ему, если упадет; не в том беда, что ушибется, а в том, что упал — стыд перед всем и засмеют, „бабой” назовут, скажут: „какой казачонок, коли с лошади пал!”»¹³⁸ В подражание отцам мальчишки-казачата с раннего детства носили форменную казацкую фуражку с синим околышем, а иногда и с кокардой, в зависимости от звания отца — казацкой или урядницкой. Рубашки тоже носили большей частью синие, под цвет формы¹³⁹. По воспоминаниям некоторых информантов, отцы иногда прово-

дили с детьми досуг — «вечером отец собирал, играл на гармонии, заставлял плясать, старинные песни пел»¹⁴⁰.

Заботясь о прокормлении и обеспечении семьи, отец выполнял работы, требовавшие большой физической силы: полевые, заготовку сена и дров, ломку камня и др. Также у него было много работы «по дому»: «Ну, как скотина, дрова — все его»¹⁴¹. На Южном Урале практически все категории мужского населения сочетали трудовую нагрузку в семье с «казёнными обязанностями»: у казаков — это несение службы, у горнозаводского населения — работа на заводе, заготовка древесного угля, извоз и др. Все это приводило к трудовому перенапряжению мужчин. Так, по словам жительницы села Александровка, в семье «зажиточных староверов» (они «уголь возили») мужчины не успевали разуваться на ночь, «в лаптях ложились, утром за скотиной [уберет], в 3–4 утра опять едет [на работу]»¹⁴². Владевшие ремеслом мужчины для заработка работали по найму. Так, у информанта «отец плотник хороший был, он все делал из дерева. Дома строил. Возьмет какого человека в селе — двое, а хозяин там помогает»¹⁴³.

Родители (особенно отец) выступали заступниками детей. После выхода дочери замуж, отец считался вправе защищать ее интересы. Если сноха терпела в семье мужа лишения, ее родители приезжали к свекру, урезонивали его и его жену. Свекор и свекровь, зная, что за сноху в случае нужды могут заступиться ее родители, считались с ней.

Мать

Главным предназначением женщины считалось материнство. В общерусской традиции существовала целая система мер, направленных на то, чтобы женщины рожали детей в браке, замужество женщины в глазах общества являлось обязательным условием для рождения ребенка. Если случался «грех», его старались покрыть венцом. По свидетельству священника станицы Наследницкой Д. Мухина, за время его службы (1854–1869 гг.) всего лишь четыре девицы, вышедшие замуж, родили ранее определенного времени¹⁴⁴. Появление незаконнорожденных детей было не частым явлением. Традиционные представления в отношении внебрачных рождений были весьма устойчивыми. Так, в середине XX в. в селах Челябинской области «многие колхозники» считали, «что для женщины или девушки, не имеющей мужа, материнство — позор»¹⁴⁵. Несмотря на предосудительное отношение к внебрачным рождениям, их стало больше после Великой Отечественной войны, когда в силу нехватки мужчин, многие женщины не могли вступить в брак. Так, жительница села Шемахи,

родившая после войны внебрачного ребенка, на вопрос, осуждали ли появление незаконнорожденных детей, ответила: «И сейчас осуждают»¹⁴⁶.

Семья до середины XX в. сохраняла установку на многодетность. Об этом свидетельствуют материалы статистики¹⁴⁷, а также этнографические данные. Так, по материалам Оренбургской области, в начале — первой половине XX в. «в семьях рождалось в среднем от 6 до 12 детей, а умирало в период от рождения до подросткового возраста от одного до четырех. В Ташлинском районе жительница рассказала, что у нее было 18 родов, другая сообщила, что у ее прабабушки было 37 детей (она рожала и двойняшек, и тройняшек, и четверню), и все остались живы»¹⁴⁸. Люди 1920–1940-х гг. рождения, как правило, сами росли в многодетных семьях и вырастили много детей. Приведем несколько свидетельств информантов: «Семья была большая с матерью, у матери нас сколько было? — Ну, я двенадцатая у матери, последняя самая» (п. Революционный, Первомайский р-н; 1927 г.р.); «У мамы шестеро детей было, седьмой родился. Мать после родов умерла»¹⁴⁹ (с. Меседа Ашинского р-на); «У Большакова Степана Филипповича было 5 сыновей, 2 дочки и 40 внуков»¹⁵⁰ (с. Бедряш Катав-Ивановского р-на). По словам информанта, женщины «тогда рожали много: сколько Бог дает, столько и было детей» у них (с. Ереминка, Сакмарский р-н; 1929 г.р.)¹⁵¹. Жительницы Южного Урала объясняют рождение большого числа детей тем, что было не принято ограничивать рождаемость: «Раньше-то не делали аборт, ведь все на виду были»; также они оправдывают запрет государства на ограничение рождаемости: «И рожали тогда, у нас вот тут по краю только, у всех по шесть [детей было] — строго же было, очень строго. Людей-то, людей-то надо было после войны»¹⁵² (с. Палкино Чебаркульского р-на). Многодетность предполагала рождение детей у женщины на протяжении долгих лет. Так, информант из села Шемаха сообщила: «Родители пожилые были, меня [мама] на 50-м году, поди, родила, после меня еще были двое»¹⁵³. Она же вспоминает другую многодетную женщину, представительницу уже своего поколения: «Были случаи, вспоминаю, ему [ребенку] 5 лет, сидят [женщины на лавочке], он бежит, айда, задерет кофточку-то... ей было 50 лет, матери-то»¹⁵⁴.

По народным представлениям мать должна была не только родить, но и выкормить, и вырастить ребенка. Так, в песне казаков-оренбуржцев перечисляются благодеяния матери в отношении выращенного ею сына:

Как тещенька мила по совету,
Как женушка мила по привету,

А как ты мне мила, милая мамынька, мила
по рождению.
Как ты, милая мамынька, во чреве носила,
Как ты, милая мамынька, скорбела, болела,
Как от солнышка, от дождичка меня закрывала,
От ветра, от вихря меня защищала.
Не укрыла меня, мамынька, только от службы царской,
государской¹⁵⁵.

По этнографическим данным до середины XX в. (за исключением периода Великой Отечественной войны) большое число замужних женщин на Южном Урале оставались домохозяйками: «Домохозяйками работали, потому что дети были, скотина была»¹⁵⁶. Так, по словам жительницы села Шемаха, ее мама «не работала, всю жизнь, она дома была, домохозяйка. Раньше при колхозе маленько работала в огородной бригаде в войну, а так она никогда не работала нигде»¹⁵⁷. Как правило, замужние женщины устраивались работать в случае большой нужды либо оставшись вдовой.

В первые годы жизни дети находились под опекой матери. Мать ухаживала за детьми, пела песни, рассказывала сказки: «Я вот, как она родилась [дочка], держу ее на руках, пою ей песню, не знаю, понимает ли или нет. Сказки начала рассказывать вообще не знаю, с какого возраста»¹⁵⁸. Девочкам матери делали кукол, обычно «тряпичные куколочки, ручки и ножки из тряпочек, может даже длинное платьице, и из шерсти волос был сделан, из овечьей шерсти. Мама пришивала, нарисует ей что-нибудь, и играйте»¹⁵⁹. Матери следили, чтобы дети не гуляли допоздна, не убегали на чужую улицу, самовольно «не лазали» в огород: детей «не пускали в огород-то», «мать огурчиков нарвет, бобов в подол, принесет, высыпет на стол: „Ешьте”»¹⁶⁰. Негласной обязанностью матери было поддержание согласия в семье. По словам М. Д. Голубых, иной раз отец узнавал о шалостях детей не от матери, а от соседей. Мать редко наказывала детей, а если и наказат слегка, так тотчас же и приласкает. По его же наблюдению, если сын начинал курить, то он никогда не просил денег на табак у отца, а только у матери. Мать, как правило, давала деньги, но приказывала сыну не показываться отцу с табаком на глаза. Поэтому уже после Гражданской войны парни и даже некоторые женатые казаки в возрасте 20–25 лет, а то и 40 лет стеснялись курить при отце¹⁶¹. Приведем воспоминание жительницы Н-Уфалея: «У нас отец строгий был. Бывало летом девять-десять часов пойдет, скотину там попоит да чего, и ворота на полку [закроет]: „Давайте спать”. Ну, чего же, мне 16 лет, но чего де я спать-то лягу, время 9 часов. А мама-то не родная, так-то была славная, скажет: „Сейчас он ляжет и уснет,

а ты ступай”. Я говорю: „А обратно-то я как?” — „Да я тебя укараулю и пушу”. Ага, и правда. Подушку... на окошко положит и вот прикорнет, на скамейке сидит... Мы с Ванюшей идем, она услышит. Пойдет, дверь откроет... И вот припасет обязательно <...> крынка молока на столе и хлеб»¹⁶². По народным представлениям, родная мать оставалась самым близким человеком на протяжении всей жизни, ее отсутствие воспринималось как невосполнимая утрата: «Маменька неродная —// Похлебочка холодная.// Кабы родная была,// Щей горячих налила».

Бабушка и дедушка

Бабушка и дедушка занимали положение старших родителей. Так, одна из жительниц вспоминает, что ухаживать за грудным ребенком ей помогала свекровь: «Я молоденька была. Какая я мать? Свекр тоже хороший был, жалел меня, знаешь как — где покачает, где чего»¹⁶³. Принято было оставлять маленьких детей с бабушками в страду, когда все работоспособные члены семьи находились на полевых работах: «Вот снохи на заимке жили, и вот мать оставалась с детьми, бабушка наша <...> она была подслеповата»¹⁶⁴.

Особо значимой роль бабушки становилась для ухода за ребенком, в случае если мать была работающей. По словам жительницы села Меседа, ей «свекровь [помогала], она рядом жила. Она. Хотя и мама... Оне обе работали, помогали сколь могли. А как нам давали [отпуск] — то, вот пол месяца у меня Людмиле было, я пошла на работу. Нянчился у меня, отец-то после войны инвалид 2-й группы был, вот шинель его висит до сих пор, дак там на ней живого места нет — все везде расстреляно, вот он сидел с ней. Довожу до ихового дома <...> все — отец выходит, салазки забирает, я пошла на работу»¹⁶⁵. В прошлом работающая мать из Н-Уфалея также «оставляла детей на бабушку»: «По сменам работали. С утра и с четырех. Мы вместе с ним [мужем] работали. Дети с бабушкой оставались. В садик их не водила. Не знаю почему, не водила»¹⁶⁶.

Когда дети подрастали, бабушка и дедушка приобщали их к своему прошлому, пытаясь транслировать собственный опыт, представления о жизни, ценностные установки (в их числе религиозные). Так, информант вспоминает, что зимой даже не играла в куклы, потому что любила с дедушкой сидеть на печи и слушать его рассказы о прожитой жизни: «С дедушкой на печи [сидела], слушала его „басни”, а он все рассказывал, да так интересно говорил. Сказки мне рассказывал, что помнил наизусть. Ну, он приходскую школу закончил, он читал много книг и мне рассказывал»¹⁶⁷. Очень часто, если ребенок оставался сиротой, его растили и воспитывали бабушка и дедушка. Так, другой информант вспо-

минает, что она «годовалая осталась от матери, двух годов от отца». Ее вырастила «бабушка отцова»¹⁶⁸. Дедушка и бабушка наравне с родителями приобщали подросших детей к труду. Бабушка обучала девочек прясть, вышивать, вязать. Дедушка обучал мальчиков мужским премудростям. Так, информант, выросший в семье без отца и деда, рассказал, что научался отбивать косу, подгладев у мужиков, так как дома его этому никто не научил. Дедушка и бабушка были наставниками детей при выполнении совместных работ. Например, в семье жительницы Н-Уфалея, дед лапти плел на продажу, а дети к этим лаптям из конопляной оборки плели¹⁶⁹.

Дети

В русской семье дети, как младшие члены семьи, были в подчинении и послушании у родителей, не должны были идти против их власти или «наносить родителям грубостей», а последние должны были давать своим детям «хорошее наставление» и обращаться с ними мягко и вежливо¹⁷⁰. Выросшие дети традиционно считались кормильцами состарившихся родителей. Так, 3 февраля 1886 г. Еткульский станичный суд рассматривал жалобу казачки Авдотьи Корниловны Савастьяновой на своего сына. В заявлении она сообщала «о непочтении ее с мужем» их сыном Иваном Васильевым Савастьяновым. Суд обязал сына давать своим родителям «все нужное и необходимое по закону»¹⁷¹. Общество со всей строгостью возлагало обязанность заботиться о стариках на выросших детей. Жительница города Нязепетровска вспоминает случай, произошедший в конце 1920-х гг.: «Ефим Окунев оставил мать на заимке и привозил ей туда еду. Была зима, он долго не приезжал. Все, что было, его мать подобрала. Недалеко от заимки была татарская деревня Елдашки, она туда пошла и замерзла. Татары откопали, узнали, приехала милиция, сына осудили на 10 лет»¹⁷². В первой половине XX в. традиционное представление об обязанности детей содержать престарелых родителей было внесено в семейный кодекс (1926 г.) в качестве законодательной нормы. В соответствии с нормой на содержание престарелых родителей позволялось взыскивать с детей до 1/3 их заработка. В практике народных судов эта норма широко применялась. Так, по архивным данным в 1950 г. одним из народных судов (Челябинская обл.) были присуждены алименты на содержание престарелых родителей «по 100 рублей ежемесячно при зарплате ответчика (сына) 250 рублей»¹⁷³.

Обязательной чертой жизни ребенка в семье было приобщение к хозяйственной деятельности семьи. Детей приучали к работе постепенно, с раннего детства. По наблюдению С. Пономарева,

сообразно участию «малолеток» в труде, им платили гостинцами, покупая платки, сарафаны, башмаки и т.п.¹⁷⁴ Приблизительно с 7 лет ребенок находился в семье на положении младшего труженика, выполнял работы по силам и возрасту. Так, жительница Н-Уфалея заметила, что ее дети всегда «слушались, что скажу, слушаются. Лет десять было [дочери]: „Помой посуду“, — ну, что она там намочит. Сына-то: „Ну-ка принеси полешко“. Он пойдет, принесет»¹⁷⁵. Ребенок выступал помощником в совместной работе с родителями. Типичным примером является участие детей в заготовке сена на зиму. Дети гребли, свозили сено на волокушах и даже косили. Так, жительница Н-Уфалея вспоминает: «Дети косили у нас. Юрка начал девяти лет. У меня, например, была восьмерка коса, у мужиков девятка–десятка, их в магазине покупали, у малышей шестерка. Бывало, ткнет нос [косы] в землю, а все равно силится. Косить всей семьей ездили, дети оставались только, которые маленькие»¹⁷⁶. Житель Нязепетровска помогал родителям свозить сено: «Да, помню еще перед школой, копна наставят, копёшек, как сказать... тут, там, там вот. Отец начинает в этом месте стог заводить, стог делает, мечет сено, а я верхом на, тут волокуши такие, березки срублены и копенница — верёвка большая, длинная, толстая. Он меня отправляет: „Айда к матери“. Мать у копны там, у копен. Я подъезжаю, лошадь ставлю. Она раз, прицепит: „Айда к отцу“... Маленько подправляю, верхом [на лошади], и туда, отец там отцепляет, дёргает <...> он вилы возьмет, лошадь дернет, копна осталась у него. Он начинает метать, а я за следующей. Надо копен девять, до десяти привезти, получится стог воза на три конских сена. Потом его переваживаю домой. Машины-то не было»¹⁷⁷. Подростки пасли лошадей в ночном: «Нас пацанов [отправят], кто-нибудь старший поедет, коней-то много держали. Значит, мы, ребятишки, на ночь вечером уедешь, в поле ночуешь там, у костерка, а утром домой едешь»¹⁷⁸.

Детям поручали самостоятельную работу. По словам жительницы села Березинка, ее дедушка возил припасы на заимку: «Было ему 6 лет, его посадили, сказали езжай, вези там на заимку что-то. Он ехал, видит блестит [что-то], <...> невозможно ослепляет глаза. [Он подумал]: „Если я сейчас слезу, то я на нее [лошадь] не залезу [потом]“. Ему лет шесть было. Нужно было задание выполнить или наказ»¹⁷⁹. Жительница деревни Палкино Чебаркульского района рассказывала, что ее мама на телеге возила на продажу глиняные горшки: «В Увелку возили. Мама рассказывала: „Накладут ей полную телегу“, — и она возила туда одна — страшно было, всякие латки, кувшины»¹⁸⁰. Дети помогали в ведении домашнего хозяйства. Они выполняли разовые поручения, а также

имели постоянные обязанности в семье. Так, жительница села Березинка вспоминает: «В 50-е годы почему-то была такая жара. И только у болотцев камыши оставались. Заставляли детей серпами жать камыш. Корову-то надо кормить, камыш жали»¹⁸¹. По воспоминанию жительницы села Тюлюк (1920 г.р.), когда она была «небольшая», «лет 12 мне [было] <...> я все дома делала и с поросятами управлялась»¹⁸².

Значительное место в жизни детей занимали игры. Взрослые относились к детским играм со всей серьезностью, зачастую отец, дедушка или старший брат изготавливали для игр инвентарь. Так, зимой заливали или сооружали ледяную горку (там, где не было естественных горок). Для катания с них сооружали лотки. «Сделают нам из дерева дощечки кругом, мы коровий помет на них накладывали. Он застынет, обливаем водой, потом скоблим, чтобы шишек не было, потом еще раз обливаем, чтобы было гладенько. Вот на них и катались. Лотки назывались»¹⁸³. Среди мальчиков были популярны коллективные игры, основанные на противоборстве, требующие ловкости и силы. Мальчики играли в чиж, лапту и др., в горнозаводских районах Южного Урала — в лапоть: водящий с лаптем на веревке должен был догнать группу убежавших вперед ребят и стукнуть кого-нибудь лаптем. По словам информатора, игра была настолько азартной, что «даже бегали в другой квартал, на другую улицу». Игры мальчиков и девочек были направлены на освоение своей будущей роли в обществе. Так, по наблюдению А. И. Кривошекова, казаченок беспечно отдавался своим удалым играм, устраивал коней, сабли, ружья, пики из прутьев и пр. Девочки-казачки почти не принимали участия в играх с мальчиками. «Эта особенность, — писал А. И. Кривошеков, — чрезвычайно резко выделяется среди казачьих детей»¹⁸⁴. Он находил этому единственно психологическое объяснение, по поговорке: «Казаковать и воевать — не бабье дело». Вот почему мальчики с раннего детства держались вообще особняком и глядели на девочку, что называется, «сверху вниз», как на низшее существо — бабу. Конечно, такой взгляд прививался и поддерживался взрослыми, отдававшими преимущество казакам-мальчуганам и иронически относящимся к девочкам. Даже матери, для которых, без сомнения, все дети равны, и те свои симпатии отдавали сыновьям — «поильцам-кормильцам, царским слугам». Нередко можно было слышать, как женщина мать, имеющая одних дочерей, сокрушенно говорила: «Дает же Бог людям сыновей, а у меня все девчонки; видно, прогневался Бог»¹⁸⁵. До революции иметь сына было выгодно еще и потому, что по достижении 17-летнего возраста на него выделяли земельный надел¹⁸⁶.

Игры девочек не носили того буйно-удалого характера, как игры мальчиков, в них была видна серьезная домовитость и деловитость, намечавшие дальнейшую жизнь и заботы. Девочка устраивала свой дом, хозяйство, возилась с куклами, водила их в гости, угощала, доила коров, пасла их и т.д. В теплую летнюю погоду девочки играли со своими куклами во дворе. Около крыльца, где-нибудь в углу, устраивалась клетка, вероятно, от слова «клеть» — горница, изба. На камешках помещалось 4 доски — лавки, в виде четырехугольника. Клетка была чисто выметена внутри, прибрана и усыпана желтым песком. На одной из лавок, приткнутой к стене, были чинно рассажены куклы. Это ее гости, с которыми девочка вела нескончаемые беседы, задавая им вопросы, и сама же на них отвечая. Обычной игрой была свадьба: девочка сватала куклу за такого же, сшитого из тряпок молодого человека. Собирала невесту к венцу, готовила приданое, затем угощала молодых и ходила к ним в гости, перемещая их на другую лавку. Для встречи гостей хозяйка заботливо хлопотала. Прежде всего, было необходимо приготовить кушанья. Хозяйка бежала к реке или в ближайший овраг за красной глиной, которая и служила тестом. В каком-нибудь осколке горшка глину густо разводили с водой и начинали печь хлеба: тут были и булки, и калачи, и пироги, и разное сдобное печенье самых причудливых форм. Из той же глины готовились горшки, чашки, тарелки, словом, — вся необходимая посуда. Наполненная кушаньями, она размещалась на передней лавке, изображавшей стол. В особую чашку наливалось молоко, приготовляемое следующим способом: девочка брала два куса обыкновенного обожженного красного кирпича, терла один кусок о другой, и получавшаяся от трения пыль-песок становилась коровьим молоком; при этом кирпичи назывались коровами, а сама эта манипуляция — доением. Игры в клетки среди девочек были распространены довольно долго. Приведем воспоминания информанта (1958 г.р.): «В клетки играли. У одной там, дом, например. А другая в магазине торгует, аптека тоже у нас была. Покупали друг у друга. Денежки делали. С фантиков накрутим конфет. Денежки, бумажку резали. А еще было так: двадцатик переведешь простым карандашом на бумагу, вырежешь»¹⁸⁷.

Родня

По замечанию одной из жительниц, родственные связи поддерживались до седьмого колена¹⁸⁸. С родней, как правило, выстраивались особые отношения. Среди родственников была принята взаимопомощь. Нарушение этого неписаного правила осуждалось обществом. Так, 11 декабря 1900 г. в Долгодеревенский станичный

суд поступило заявление от казака Умевского поселка Павла Ивановича Зырянова. В заявлении он сообщил, что живя отдельным хозяйством, помог отцу женить своего младшего брата и выдать замуж двух сестер — на три «отцовские свадьбы убивал 47 рублей». Когда же ему самому «доводила судьба выдавать своих двух дочерей в замужество, отец не стал отвечать [тем же]». Суд посчитал требование сына об ответной помощи справедливым¹⁸⁹. С родственниками было принято советоваться в ответственные моменты жизни, каковым традиционно считались выдача замуж или женитьба детей. Приведем рассказ жительницы Оренбуржья: «Вот приезжают к нам сватать, я ничего не знаю <...> сам [жених] и двое с ним... Спрашивают: „Где мать с отцом?“ Говорю: „Папаня в правлении. Мамака стряпает”. — „Ну, иди, позови”. Они начали там разговаривать <...> мама... сказала: „Всех родных соберу, посоветуемся, вот тогда и скажем [ответ]” <...> Я говорю: „Не пойду [за него замуж], он другую сватал”. А потом через два часа родные все сошлись. Они мне сказали: „Не тебе-тко жених! Первое твое счастье”. — У нас одиннадцать детей было... — „Вас три девки, вам одёжу надо”, — а где мы возьмем? Бедное время было. — „Это твое счастье, выходи!” И всё — отдали»¹⁹⁰.

Из числа родственников обычно выбирали восприемников для крещения, их еще называли кумом и кумой. По данным информантов, часто снохи в большой семье звали друг друга «кума», а братьев мужа — «кум», поскольку крестили друг у друга детей¹⁹¹. Близких знакомых в кумовья приглашали только, если не было родственников. Существовала примета: если наступишь кому-нибудь на ногу — будешь ему кумом¹⁹². Семья крестника относилась к его восприемникам весьма уважительно. Наряду с родителями крестные отец и мать благословляли жениха и невесту на свадьбе и выполняли в свадебном обряде почетные функции свахи, тысяцкого. До некоторой степени это учитывалось еще при выборе крестных. В крестные охотно звали молодых с тем, чтобы они в не старые еще годы могли женить своих крестников.

На крестных родителей смотрели как на духовных наставников, им полагалось следить за религиозным просвещением, учить молитвам и грамоте. Многие информанты высказывались в том духе, что «крестная» оставалась «самым близким человеком для дитя. Она опекала своего крестника, дарила подарки, очень часто посещала. Даже помогала растить. Это большое дело было»¹⁹³. Крестные чувствовали духовную ответственность за поступки своих крестников перед Богом. В связи с этим любопытны материалы судебного разбирательства в Еткульском станичном суде. 12 августа 1865 г. туда обратился казак Карабайльской станицы

Филипп Нехорошков с жалобой на своих братьев Григория и Дмитрия, которых обвинял за то, что они «обругали» и нанесли побои его дочерям. Во время судебного разбирательства выяснилось, что старшая из девушек Аграфена была «родной крестницей» Григория. Григорий и Дмитрий хотели «унять» своих племянниц — запретить им без родителей принимать у себя в доме гулянки. Аграфена стала «противуречить» своему дяде Григорию и он применил к ней телесное наказание. В его глазах основанием для назидания и последующего наказания послужило то, что Аграфена была его крестницей. Суд посчитал обращение Григория с крестницей излишне жестоким, приговорил «выдержать [Григория] под арестом», несмотря на то что братья, по убеждению их матери, уже заключили между собой мировую¹⁹⁴. Во многих случаях дяди и тети относились к племянникам лояльнее родителей, оказывали поддержку в трудных жизненных ситуациях. Так, по воспоминаниям жительницы Миньяра: «Ее отец счел не подходящим ухажера, однажды сказал: „Чтобы с нём больше не была. Домой не приходи, одна будешь с нём”. Я говорю: „Ладно”, — сама собралась и пошла [гулять с этим ухажером]. Домой после не пришла. Рядом тятин брат жил, я туда [отправилась]... — день, ночь, вторую ночь, третью [жила]... Это в июле было, в аккурат — покос»¹⁹⁵.

Было принято праздники и семейный досуг проводить преимущественно в кругу родственников. Прежде всего, родные съезжались на престольные праздники. Так, к примеру, в Каратабан в престольный праздник (Петров день) «родные съезжались отовсюду — из Потапова приедут, из Соколовки приедут, может еще дальше, где родные живут. Вот они приезжают все сюда на службу. А когда кончится служба, то они идут по родственникам, по своим... Помню, вот такая стопочка была маленькая, кругленькая, так вот по этой стопочке нальют, да подадут... Ну, песен, конечно, много пели, прибауток много»¹⁹⁶. По воспоминаниям информантов, в Рождество «ходили, гуляли с родными. Родных у отца было много, много... Он уж больно певучий был. Он запевае у стола. А вот тетки, матерные сестры, тоже все поют, и каждый праздник. У нас если собралися, посидели, пошли во второй двор, здесь посидели — пошли в третий двор... В простые дни раньше не пили, этого не было»¹⁹⁷. По некоторым наблюдениям, в эпоху запрета религии в Рождество и Пасху дети обходили преимущественно дворы родственников: «Мы-то в войну бегали и после войны... Да и ведь не разрешали тогда, ведь коммунистическая партия тогда была, и мы с двоюродной сестрой вставали <...> Рано надо было вставать, чтобы еще не рассветало, чтобы оббежать всех родственников. К чужим не ходили <...> тогда к родственникам ходили.

И вот встаем, идем, мороз по дороге, приходим в этот край ко своему дяде двоюродному. У него хозяйка была, она значит, уже лампа горит, раньше электричества не было, лампы были. Она уже постелила шубу на стулья. И говорит: „Девчонки, садитесь, чтобы овечки у нас вились”. Мы садимся. Она уж пельмени с мясом сварила, чтобы горяченького поели и дальше пошли. И вот мы оббегаем, даже не рассветавши надо домой придти»¹⁹⁸. В семьях было также принято проводить совместный досуг в будние дни: «Вечером приходили мужья с работы, женщины большинство не работали. Вот. Поедут они там, и — по посиделкам. Приходили на посиделки. Вот я помню, и родня у нас всякая. Роднились все. Вот и сватья, и со сватьей, и свои родные, вот, там сестры, братья. Мужики сидели в одной стороне, курили, женщины сидели другой кучкой, разговаривали. А мы [дети] сидели, обычно, в это время на печках. Сидим и слушаем. Мужики на диван садились»¹⁹⁹. Таким образом, семья и родство традиционно оставались сферой наиболее близких доверительных отношений между людьми.

Конец XIX — первая половина XX в. — период глобальных изменений в жизни русского народа. Так как в силу особой специфики область брака, семьи, внутрисемейных взаимоотношений с трудом поддавалась регламентации со стороны государственных структур, на протяжении этого времени семья оставалась наиболее консервативным элементом общественной структуры, в целом сохранив многие традиционно сложившиеся черты.

Для этой работы важную роль сыграли материалы и публикации непосредственных наблюдателей народной жизни на Южном Урале. К их числу относятся: корреспондент «Северного вестника», чиновник переселенческого ведомства С. Н. Пономарев; инспектор школ города Троицка, председатель Войскового круга А. И. Кривошеков; краевед М. Д. Голубых, который в 1926 г. пять месяцев безвыездно провел в поселке Тимофеевском Челябинского уезда, изучая жизнь казаков по заданию Челябинского окружного комитета; классик русской этнографии Д. К. Зеленин, в 1905 г. после месячного пребывания в казачьем поселке Благословенном под Оренбургом оставил работу о быте казаков этого поселка; бытописатель жизни горнозаводского населения Р. Г. Игнатъев; советский фольклорист В. Е. Гусев, в 1947–1953 гг. предпринявший несколько экспедиций для изучения горнозаводского населения Южного Урала. Здесь также широко используются опубликованные и архивные сведения, собранные в 2000–2012 гг. в Оренбургской и Челябинской областях в ходе этнографического изучения народной жизни. Обращение к архивным материалам, в частности, посемейным спискам казаков, купцов и мещан позволило полу-

чить представление о составе и численности семей, возрасте вступления в брак, числе детей; документы станичных и волостных судов помогли очертить отдельные стороны внутрисемейных взаимоотношений.

¹ *Голубых М.Д.* Казачья деревня. М., Л., 1930. С. 190.

² *Завьялов А.* Свадебные обряды казаков Челябинского уезда. // Оренбургский край. 1894. № 220.

³ *Игнатъев Р.Ф.* Миасский завод // Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губернии/ Под ред. Н. Гурвича. Уфа, 1868. С. 79.

⁴ Архив Музея археологии и этнографии ЧелГУ (АМАиЭЧ). Тетр. 10. Л. 14 (с. Тюлюк Катав-Ивановского р-на).

⁵ АМАиЭЧ. Тетр. 10. Л. 38 (с. Тюлюк Катав-Ивановского р-на).

⁶ Авангард. 6 марта, 26мая 1937 г.

⁷ *Голубых М.Д.* Указ. соч. С. 191.

⁸ Материалы по этнографии. Т. V. Обряды жизненного цикла русского населения Оренбуржья. (Материалы полевых исследований 2002–2006 гг.) СПб., 2013. С. 96. (С. Архиповка, Сакмарский р-н).

⁹ *Зеленин Д.К.* У оренбургских казаков // Этнографическое обозрение. 1905. № 4. С. 56.

¹⁰ *Голубых М.Д.* Указ. соч. С. 191.

¹¹ *Трофимов Е.* Быт, обычай и обряды старого Бакала // Челябинский рабочий.

¹² Здесь и далее посчитано по: «Посемейные списки Оренбургского казачьего полка № 10 служащим и отставным штаб и обер офицерам, заурядчиновникам, урядникам, казакам малолеткам и вдовам». 1862. И-7. Оп.1. Д. 21. Л. 1–42.

¹³ Здесь и далее посчитано по: «О составлении посемейного списка мещан» (1892–1897) ОГАЧО. И-3. Оп. 1. Д. 261. Л. 5–70; И-78. Оп. 1. Л. 113.

¹⁴ Здесь и далее посчитано по: «Список Челябинских купцов, не объявивших капитал». 1905. ОГАЧО. И-3. Оп. 1. Д. 819. Л.4(об)-20; «Список купцов объявивших капитал». 1874. И-3. Оп. 1. Д. 108. Л.2(об)-3.

¹⁵ *Гончаров Ю.М.* Городская семья Сибири второй половины XIX — начала XX в. Барнаул, 2002. С. 46.

¹⁶ АМАиЭЧ. Тетр. 10. Л. 24 об. (с. Тюлюк Катав-Ивановского р-на).

¹⁷ ЧОКМ. Ф. (документов). Оп. 4. Ед. хр. 289. Л.8.

¹⁸ *Чайко Е.А.* Семья в контексте провинциальной повседневности: Катавский и Миньярский районы Челябинской области во второй половине 1920-х — 1950-е годы. Челябинск, 2014. С. 70.

¹⁹ АМАиЭЧ. Тетр 12. Л. 11 (с. Арси Нагайбакского р-на).

²⁰ ГАЧО. Ф.И-8. Оп.1. Д. 68.

²¹ *Безгин В.Б.* Крестьянская повседневность. (Традиции конца XIX — начала XX века). М.; Тамбов, 2004. С. 120.

²² *Игнатъев Р.Г.* Обряды при свадьбах у бывших казенных горнозаводских крестьян Троицкого уезда// Оренбургские губернские ведомости. 1881. № 43.

- ²³ *Чернавский Н. М.* Слобода Куртамыш. // Оренбургские епархиальные ведомости. 1897. № 3. С. 138.
- ²⁴ ОГАЧО. Ф.12. Оп.1. Д. 1. Л.92.
- ²⁵ ОГАЧО. Ф. И.-12. Оп. 1. Д. 1. Л. 92.
- ²⁶ *Афанасьев И.* Домашний быт деревни Корчажной Карасинской волости, Челябинского уезда // Вестник Оренбургского учебного округа. 1914. № 4. С. 183.
- ²⁷ Посчитано по: ОГАЧО. Ф. И-7. Оп.1. Д.21. Л. 1–42.
- ²⁸ *Кузнецов В. М.* Семейный быт русского населения Южного Урала во второй половине XIX — начале XX в. Дис. канд. ист. наук. Екатеринбург, 1999. С. 105.
- ²⁹ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества/ Под ред. В.П. Семенова-Тяншанского. Т. 5. Урал и Приуралье. М., 1992. С. 166.
- ³⁰ Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения 1926 года по Уральской области: справ. по округам, районам и сельсоветам Урал. Обл. Свердловск, 1927. С. 43–45.
- ³¹ Посчитано по: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года. Уральский регион. С. 233.
- ³² Посчитано по: ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 17. Д. 161. Л. 35, 26; Ф. Р-485. Оп. 17. Д. 239. Л. 58, 82.
- ³³ АМАиЭЧ. Тетр. 5. Л. 12 (с. Муратовка Ашинского р-на).
- ³⁴ ЧОКМ. Фонд документов. Оп.4. Ед.хр. 292. Л. 15; Ед.хр. 310. Л.63.
- ³⁵ *Мякутин А. И.* Песни оренбургских казаков. Т. 3: Песни бытовые; собрал подбесуал А. И. Мякутин. Изд. Оренб. Казачьего войска. Оренбург, 1906. С. 12.
- ³⁶ *Александров В. А.* Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма / В. А. Александров // История СССР. 1981. № 3. С. 88.
- ³⁷ ОГАЧО. И-7. Оп.1. Д.21. Л. 1–42.
- ³⁸ *Пономарев С. Н.* Семейная община на Урале // Северный вестник. 1887. № 1. С. 1–38.
- ³⁹ ОГАЧО. Ф. И-7. Оп.1. Д.21. Л. 1–42.
- ⁴⁰ *Пономарев С. Н.* Указ соч. С. 10.
- ⁴¹ АМАиЭЧ. Тетр 13. Л. 19 (с. Березиновка Чесменского р-на).
- ⁴² АМАиЭЧ. Тетр 15. Л. 1(об) (д. Палкино Чебаркульского р-на).
- ⁴³ Посчитано по: ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 819. Л. 4(об)-20; И-3. Оп. 1. Д. 108. Л. 2(об)- 3; И-3. Оп.1. Д. 261. Л.5–70.
- ⁴⁴ ОГАЧО. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 52. Л. 21.
- ⁴⁵ ОГАЧО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1. Л. 46.
- ⁴⁶ *Пономарев С. Н.* Указ. соч. С. 31.
- ⁴⁷ *Голубых М. Д.* Указ. соч. С. 286.
- ⁴⁸ *Голубых М. Д.* Указ. соч. С. 213.
- ⁴⁹ АМАиЭЧ. Тетр. 10. Л. 18 (об) (с.Тюлюк Катав-Ивановского р-на).
- ⁵⁰ АМАиЭЧ. Тетр 15. Л.22 (д. Палкино Чебаркульского р-на).
- ⁵¹ АМАиЭЧ. Тетр 12. Л. 17 об (с. Арси Нагайбакского р-на).
- ⁵² АМАиЭЧ.Тетр 13. Л. 3 (с. Березиновка Чесменского р-на).
- ⁵³ АМАиЭЧ.Тетр 14. Л. 2 (п. Н-Уфалей).

- ⁵⁴ ГАОО. Ф. 96. Д. 130. Л. 7.
- ⁵⁵ См.: *Александров В. А.* Указ соч. С. 208.
- ⁵⁶ АМАиЭЧ. Тетр. 10. Л. 9, 9(об) (с. Тюлюк Катав-Ивановского р-на).
- ⁵⁷ АМАиЭЧ. Тетр. 5. Л. 13 (с. Муратовка Ашинского р-на).
- ⁵⁸ ЧОКМ. Фонд документов. Оп. 4. Ед. хр. 289. Л. 2.
- ⁵⁹ АМАиЭЧ. Тетр. 10. Л. 18 (об) (с. Тюлюк Катав-Ивановского р-на).
- ⁶⁰ АМАиЭЧ. Тетр. 5. Л. 13 (с. Муратовка Ашинского р-на).
- ⁶¹ *Пономарев С. Н.* Указ. соч. С. 16.
- ⁶² *Пономарев С. Н.* Указ. соч. С. 13.
- ⁶³ *Пономарев С. Н.* Указ. соч. С. 6.
- ⁶⁴ АМАиЭЧ. Тетр. 10. Л. 14 (с. Тюлюк Катав-Ивановского р-на).
- ⁶⁵ *Пономарев С. Н.* Указ. соч. С. 31.
- ⁶⁶ Материалы по этнографии. Т. 5. С. 96.
- ⁶⁷ ОГАЧО. Ф. И-7-1-40. Л. 28-29 (об).
- ⁶⁸ *Голубых М. Д.* Указ. соч. С. 212.
- ⁶⁹ *Кузнецов В. М.* Указ. соч. С. 108.
- ⁷⁰ *Пономарев С. Н.* Семейная община на Урале// Северный весник. 1887. № 1. С. 30-31.
- ⁷¹ АМАиЭЧ. Тетр. 4а. Л.4 (об) (г. Усть-Катав).
- ⁷² *Мякутин А. И.* Указ. соч. Л. 12.
- ⁷³ *Кузнецов В. М.* Указ. соч. С. 110.
- ⁷⁴ ЧОКМ. Фонд документов. Оп.4. Ед. хр. 412. Л.24.
- ⁷⁵ АМАиЭЧ. Тетр.10. Л. 9, 9(об) (с. Тюлюк Катав-Ивановского р-на).
- ⁷⁶ *Голубых М. Д.* Указ. соч. С. 104.
- ⁷⁷ АМАиЭЧ. Тетр. 5. Л. 12 (с. Муратовка Ашинского р-на).
- ⁷⁸ *Голубых М. Д.* Указ. соч. С. 210.
- ⁷⁹ АМАиЭЧ.Тетр.11. Л. 1(об) (г. Нязепетровск).
- ⁸⁰ АМАиЭЧ. Тетр.10 Л. 18 (с. Тюлюк Катав-Ивановского р-на).
- ⁸¹ АМАиЭЧ. Тетр. 5. Л. 12 (с. Муратовка Ашинского р-на).
- ⁸² АМАиЭЧ. Тетр. 4. Л. 3 (г. Усть-Катав).
- ⁸³ ЧОКМ. Фонд документов. Оп. 4. Ед. хр. 526. Л.10.
- ⁸⁴ ЧОКМ. Фонд документов. Оп. 4. Ед. хр. 289. Л. 10.
- ⁸⁵ ЧОКМ. Фонд документов. Оп. 4. Ед. хр. 526. Л.10.
- ⁸⁶ *Мякутин А. И.* Указ. соч. Л. 13.
- ⁸⁷ АМАиЭЧ. Тетр. 13. Л.1 (об) (с. Березиновка Чесменского р-на).
- ⁸⁸ *Кузнецов В. М.* Указ. соч. С. 108.
- ⁸⁹ [Голубых М. Д. С. 312].
- ⁹⁰ Стальная искра. 30 мая 1936.
- ⁹¹ ЧОКМ. Фонд документов. Оп. 4. Ед. хр. 289. Л.16.
- ⁹² ОГАЧО. Ф. Р- 627. Оп. 3. Д. 38. Л. 22.
- ⁹³ АМАиЭЧ. Тетр. 12. Л. 13 (с. Арси Нагайбакского р-на).
- ⁹⁴ *Мякутин А. И.* Указ. соч. Л. 11.
- ⁹⁵ [Голубых М. Д. С. 317].
- ⁹⁶ *Зеленин Д. К.* Указ. соч. С. 68.
- ⁹⁷ *Голубых М. Д.* Указ. соч. С. 211.
- ⁹⁸ ЧОКМ. Фонд документов. Оп. 4. Ед. хр. 298. Л.6.
- ⁹⁹ ОГАЧО. Ф. Р-627. Оп. 3. Д. 38. Л. 22.

- ¹⁰⁰ ОГАЧО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1. Л. 26 (об).
- ¹⁰¹ *Голубых М.Д.* Указ. соч. С. 211.
- ¹⁰² *Пономарев С.Н.* Указ. соч. С. 31.
- ¹⁰³ *Голубых М.Д.* Указ. соч. С. 211.
- ¹⁰⁴ *Кузнецов В.М.* Указ. соч. С. 81.
- ¹⁰⁵ *Голубых М.Д.* Указ. соч. С. 104.
- ¹⁰⁶ *Игнатъев Р.Г.* Указ. соч. С. 78.
- ¹⁰⁷ АМАиЭЧ. Тетр. 13. Л.10, 11 (об) (с. Березиновка Чесменского р-на).
- ¹⁰⁸ АМАиЭЧ. Тетр. 13. Л. 20 (об) (с. Березиновка Чесменского р-на).
- ¹⁰⁹ Традиционные праздники русского населения Южного Урала. Челябинск, 2013. С. 49 (с. Архиповка Сакмарского р-на).
- ¹¹⁰ ЧОКМ. Фонд документов. Оп. 4. Ед. хр. 298. Л. 22.
- ¹¹¹ *Игнатъев Р.Г.* Указ. соч. С. 43; *Игнатъев Р.Г.* Миасский завод // Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губернии / Под ред. Н. Гурвича. Уфа, 1868. С. 79.
- ¹¹² ОГАЧО. Ф. Р-1329. Оп. 1. Д. 24. Л. 24.
- ¹¹³ *Голубых М.Д.* Указ. соч. С. 103–104.
- ¹¹⁴ *Игнатъев Р.Г.* Обряды при свадьбах. С. 43; *Игнатъев Р.Г.* Миасский завод. С. 79.
- ¹¹⁵ АЗГО. Ф. Р-43. Оп. 1. Д. 1625. Л. 22 (об).
- ¹¹⁶ ОГАЧО. Ф.12. Оп.1. Д. 1. Л. 92.
- ¹¹⁷ ОГАЧО. Ф. И-7–1–40. Л. 102(об)-103.
- ¹¹⁸ ОЧАГО. Ф. И-7–1–40. Л. 13(об)-14 (об).
- ¹¹⁹ *Игнатъев Р.Г.* Обряды при свадьбах. С. 43.
- ¹²⁰ АМАиЭЧ. Тетр. 13. Л. 20 (с. Березиновка Чесменского р-на).
- ¹²¹ АЗГО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 5. Л. 35.
- ¹²² ОГАЧО. Ф. Р-627. Оп. 3. Д. 51. Л. 29.
- ¹²³ *Крупянская В.Ю., Полищук Н.С.* Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX — начало XX в.). С. 64.
- ¹²⁴ АМАиЭЧ. Тетр. 11а. Л. 20–21 (с. Шемаха Нязепетровского р-на).
- ¹²⁵ ОГАЧО. Ф.И- 8. Оп. 1. Д. 68.
- ¹²⁶ АМАиЭЧ. Тетр. 11а.. Л.20–21 (с. Шемаха Нязепетровского р-на).
- ¹²⁷ *Пономарев С.Н.* Указ. соч. С. 32.
- ¹²⁸ *Пономарев С.Н.* Указ. соч. С. 34.
- ¹²⁹ *Кузнецов В.М.* Указ. соч. С. 85.
- ¹³⁰ АМАиЭЧ. Тетр. 12. Л. 9 (с. Арси Нагайбакского р-на).
- ¹³¹ АМАиЭЧ. Тетр. 11. Л.25. (с. Шемаха Нязепетровского р-на).
- ¹³² *Пономарев С.Н.* Указ. соч. С. 33.
- ¹³³ *Пономарев С.Н.* Указ. соч. С. 33.
- ¹³⁴ *Пономарев С.Н.* Указ. соч. С. 33.
- ¹³⁵ *Игнатъев Р.Г.* Обряды при свадьбах. № 43.
- ¹³⁶ *Голубых М.Д.* Указ. соч. С. 212.
- ¹³⁷ *Мякутин А.И.* Указ. соч. Л. 8.
- ¹³⁸ *Кривошеколов А.И.* Обряды и обычаи оренбургских казаков // Вестник Оренбургского учебного округа. Уфа, 1915. № 1–7. С. 95.
- ¹³⁹ *Зеленин Д.К.* Указ. соч. С. 66.

- 140 АМАиЭЧ. Тетр. 4. Л. 4 (г. Усть-Катав).
- 141 АМАиЭЧ. Тетр. 14. Л. 13–13(об) (п. Н-Уфалей).
- 142 АМАиЭЧ. Тетр. 4. Л. 4 (г. Усть-Катав).
- 143 АМАиЭЧ. Тетр. 10. Л. 33 (с. Меседа Катав-Ивановского р-на).
- 144 *Мухин Д.* Наследницкая станица // Справочная книжка Оренбургской губернии на 1870 г. Издание Оренбургского губернского статистического комитета. Оренбург, 1869. С. 66.
- 145 ОГАЧО. Ф. 1595. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.
- 146 АМАиЭЧ. Тетр. 11. Л. 37 (об) (с. Шемаха Нязепетровского р-на).
- 147 *Чайко Е. А.* Указ. соч. С. 53–56.
- 148 Материалы по этнографии. Т. 5. С. 10.
- 149 АМАиЭЧ. Тетр. 10. Л. 30 (об) (с. Меседа Катав-Ивановского р-на).
- 150 АМАиЭЧ. Тетр. 5. Л. 2 (д. Бедярыш Катав-Ивановского р-на).
- 151 Материалы по этнографии. Т. 5. С. 15 (с. Ереминка, Сакмарский р-н).
- 152 АМАиЭЧ. Тетр. 15. Л. 23 (д. Палкино Чебаркульского р-на).
- 153 АМАиЭЧ. Тетр. 11а. Л. 31 (Шемаха Нязепетровского р-на).
- 154 АМАиЭЧ. Тетр. 11а. Л. 37 (Шемаха Нязепетровского р-на).
- 155 *Мякутин А. И.* Указ. соч. С. 3.
- 156 АМАиЭЧ. Тетр. 14. Л. 1 (г. Н-Уфалей).
- 157 АМАиЭЧ. Тетр. 11а. Л. 29 (Шемаха Нязепетровского р-на).
- 158 АМАиЭЧ. Тетр. 13. Л. 1 (с. Березиновка Чесменского р-на).
- 159 АМАиЭЧ. Тетр. 13. Л. 11 (с. Березиновка Чесменского р-на).
- 160 АМАиЭЧ. Тетр. 8. Л. 37,42 (г. Миньяр).
- 161 *Голубых М. Д.* Указ. соч. С. 212.
- 162 АМАиЭЧ. Тетр. 14. Л. 16 (г. Н-Уфалей).
- 163 АМАиЭЧ. Тетр. 10. Л. 12 (об) (с. Тюлюк Катав-Ивановского р-на).
- 164 АМАиЭЧ. Тетр. 13. Л. 10 (с. Березиновка Чесменского р-на).
- 165 АМАиЭЧ. Тетр. 10. Л. 21 (с. Меседа. Катав-Ивановского р-на).
- 166 АМАиЭЧ. Тетр. 14. Л. 13–13(об) (п. Н-Уфалей).
- 167 АМАиЭЧ. Тетр. 13. Л. 11 (с. Березиновка Чесменского р-на).
- 168 АМАиЭЧ. Тетр. 11а. Л. 2 (Шемаха Нязепетровского р-на).
- 169 АМАиЭЧ. Тетр. 14. Л. 33 (п. Н-Уфалей).
- 170 ОГАЧО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1. Л. 37 (об).
- 171 ОГАЧО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.
- 172 *Полякова А.* Собрать бы все это воедино — была бы бурная река...
 ... // История людей: Альманах. Челябинск, 2008. Вып 11. С. 277–317.
- 173 ОГАЧО. Ф. Р-916–22–49. Л. 52, 74–74(об).
- 174 *Пономарев С. Н.* Указ. соч. С. 33.
- 175 АМАиЭЧ. Тетр. 14. Л. 12(об) (п. Н-Уфалей).
- 176 АМАиЭЧ. Тетр. 14. Л. 12 (об) (п. Н-Уфалей).
- 177 АМАиЭЧ. Тетр. 11а. Л. 2–3 (п. Нязепетровск).
- 178 АМАиЭЧ. Тетр. 11а. Л. 2–3 (п. Нязепетровск).
- 179 АМАиЭЧ. Тетр. 13. Л. 20 (с. Березиновка Чесменского р-на).
- 180 АМАиЭЧ. Тетр. 15. Л. 2 (д. Палкино Чебаркульского р-на).
- 181 АМАиЭЧ. Тетр. 13. Л. 14 (с. Березиновка Чесменского р-на).
- 182 АМАиЭЧ. Тетр. 10. Л. 8 (с. Тюлюк. Катав-Ивановского р-на).

- ¹⁸³ АМАиЭЧ. Тетр. 10. Л. 816 (с. Тюлюк. Катав-Ивановского р-на).
- ¹⁸⁴ *Кривошеков А. И.* Указ. соч. С. 102.
- ¹⁸⁵ *Кривошеков А. И.* Обряды и обычаи Оренбургских казаков// Вестник Оренбургского учебного округа. Уфа. 1915. № 1–7. С. 102.
- ¹⁸⁶ *Голубых М. Д.* Указ соч. С. 211.
- ¹⁸⁷ АМАиЭЧ. Тетр. 11. Л. 14(об) (г. Нязепетровск).
- ¹⁸⁸ АМАиЭЧ. Тетр. 5. Л. 12 (с. Муратовка Ашинского р-на).
- ¹⁸⁹ ОГАЧО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 15.
- ¹⁹⁰ Материалы по этнографии. Т. 5. Обряды жизненного цикла русского населения Оренбуржья (Материалы полевых исследований 2002–2008 гг.) СПб., 2013. С. 103.
- ¹⁹¹ *Кузнецов В. М.* Указ. соч. С. 86.
- ¹⁹² *Голубых М. Д.* Указ соч. С. 286.
- ¹⁹³ АМАиЭЧ. Тетр. 8. Л. 10, 36 (Миньяр Ашинского р-на).
- ¹⁹⁴ ОГАЧО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 12. Л. 4.
- ¹⁹⁵ АМАиЭЧ. Тетр. 8. Л. 24 (Миньяр Ашинского р-на).
- ¹⁹⁶ Традиционные праздники русского населения Южного Урала. С. 45. (с. Каратабан Еткульского р-на).
- ¹⁹⁷ Традиционные праздники русского населения Южного Урала. С. 37 (п. Арси Нагайбакского р-на).
- ¹⁹⁸ Традиционные праздники русского населения Южного Урала. С. 56–57. (п. Краснинский Верхнеуральского р-на).
- ¹⁹⁹ *Чайко Е. А.* Указ. соч. С. 202.